„Пров 38"
„Пров 49" 6

ИЗБІЕНІЕ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Документальныя подробности
послѣднихъ студенческихъ безпорядковъ
въ Петербургѣ, Москвѣ
и Кіевѣ.

Съ вступительнымъ письмомъ

П. Карповича.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Іоанна Рэде.
1902.

1289
27

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

ПИСЬМО КАРПОВИЧА.

Дорогіе Друзья!

Пишу къ вамъ въ послѣдній разъ. Мнѣ только хочется, чтобы вы меня поняли. А это для меня важно: очень сильно я васъ люблю. Когда получилось первое извѣстіе, что 60 человѣкъ сдано въ солдаты, во мнѣ поднялась такая буря, въ которой я совсѣмъ не могъ разобраться. Дней пять происходило во мнѣ броженіе, потомъ понемногу стало улегаться, оставивъ, конечно, извѣстный осадокъ. Мнѣ и тогда приходило въ голову покушеніе на Боголѣпова, но я ни къ какому рѣшенію не пришелъ. Желаніе жить, жить для борьбы, пр возмогло. Получилось извѣстіе въ газетахъ, уже истинное. Тутъ старыя раны вскрылись; правда, не такъ остро было чувство, но зато глубже. Съ этой поры и начинается процессъ. Много, много я пережилъ за это время. Медленно, но вѣрно подвигался я къ рѣшенію. Извѣстіе въ нѣмецкихъ газетахъ о смертномъ приговорѣ рѣшило все. Теперь оно для меня не имѣетъ значенія, и я почти навѣрное могу сказать, что слухъ не вѣренъ. Но, вѣдь, это возможно! Я и раньше все это зналъ, зналъ головой, а это извѣстіе дало мнѣ пережить всѣмъ моимъ существомъ, надъ какою пропастью ходятъ сотни людей, лучшихъ людей Россіи. И я рѣшилъ отомстить. Самый важный вопросъ для меня былъ — убійство, второй — уйти отъ дѣла или желаніе жить; но жизнь и революціонное дѣло срослись у меня воедино. Затѣмъ вы, мои друзья, а потомъ уже все другое. Все это я могу сейчасъ взвѣсить, тогда все переплеталось. Какъ только я рѣшилъ, сдѣла-

лось такъ спокойно на душѣ, такъ тихо; временами мнѣ было такъ уютно, тепло. Вотъ уже больше недѣли, но ни одного сомнѣнія, ни одинъ нервъ не дрогнетъ. Ясно, очень ясно. И всетаки я остаюсь тотъ же. Вѣрю глубоко въ соціализмъ, въ русское революціонное движеніе. Вѣрю по прежнему, что нужно созданіе дѣльной революціонной организаціи безъ словъ, но для дѣла. Будетъ организація (не партія), сама жизнь заставитъ ее вступить въ политическую борьбу, т. е. борьбу непосредственную съ русскимъ правительствомъ. Безъ этого она растворится, растаетъ и упрется въ тупой уголъ, откуда выхода нѣтъ. А другой борьбы, какъ террористической, я не знаю. Теперь я могу еще прибавить, — это уже не перечувствованное, а плодъ спокойной думы, — что на особенно безобразныя выходки правительства нужно отвѣчать, но отвѣтъ пусть беретъ на себя отдѣльный человѣкъ, не дожидаясь, пока возникнетъ организація. Теперь отвѣчу на послѣдній вопросъ. Почему я вамъ не сказалъ никому ничего? Предпріятіе мое очень не надежное, меня могли взять на границѣ; зачѣмъ же я буду заставлять васъ много много страдать, и вдругъ напрасно! Теперь, когда совершилось, есть чего страдать, — а тогда — не нужно было. На рѣшеніе же мое вы не повліяли бы, слишкомъ оно для меня было ясно, срослось со мной. Закончу повтореніемъ, что васъ я всѣхъ очень, очень люблю. Люблю такъ, какъ никогда никого не любилъ въ жизни. Прощайте, не поминайте лихомъ. Завѣтъ всѣмъ вамъ: боритесь за свободу! Обо мнѣ забудьте. Я не хочу стать у васъ на дорогѣ, т. е. не хочу, чтобъ моя смерть*) ослабила васъ въ тяжелой предстоящей борьбѣ.

Цѣлую всѣхъ васъ крѣпко, крѣпко. Вашъ

Владимирычъ.

---

*) Это письмо писано изъ тюрьмы, когда Карповичъ былъ убѣжденъ, что его ждетъ смертная казнь.

„Съ тѣхъ поръ какъ русское общество впервые въ 20-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія сознательно выступило съ первымъ протестомъ противъ русскаго административно-полицейскаго строя, много воды утекло, смѣнилось нѣсколько поколѣній и погибло чрезвычайно крупное количество лучшихъ русскихъ людей. . Политическія партіи нарождались, но погибали, не устоявъ въ неравной борьбѣ. На смѣну имъ появлялись другія партіи, болѣе сильныя и болѣе приспособленныя къ борьбѣ благодаря накопившемуся уже отчасти опыту. Такъ, смѣнились другъ за другомъ декабристы, петрашевцы, Герценъ съ его „Колоколомъ“, народники, народовольцы, соціалисты-революціонеры и др. Въ программахъ этихъ партій русская мысль испробовала всѣ средства борьбы за свою независимость, начиная отъ мирной пропаганды до кроваваго террора, и каждый разъ она терпѣла полное пораженіе. Русское правительство, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, сковало русскій народъ крѣпкими цѣпями и, не задумываясь всегда, одинаково жестоко расправлялось со всякими проявленіями политической и общественной жизни въ Россіи. Рѣдкая смѣна партій съ самыми разнообразными тенденціями и программами, часто уничтожавшими другъ

друга, уже сама по себѣ наводила на мысль о полной побѣдѣ правительства надъ революціонными силами страны. И дѣйствительно, зачастую нужно было весьма значительное умственное напряженіе, чтобы подъ пепломъ уничтоженнаго и разореннаго гнѣзда революціонеровъ замѣтить тлѣющую искру вновь разгорающейся борьбы. Только въ одномъ мѣстѣ русское правительство за 75 лѣтъ борьбы съ русской политической и общественной мыслью потерпѣло если не пораженіе, то пораненія. Это мѣсто-русскі университеты, и никогда русскому правительству не удалось ввести туда полностью и всевластно свой полицейскій режимъ, какъ и совершенно изгнать оттуда, хотя бы на время, свободное слово и открытый протестъ".

Такъ начинается одно изъ многочисленныхъ воззваній, выпущенныхъ студентами русскихъ университетовъ минувшею зимою. Оно подписано группой студентовъ С.-Петербургскаго университета и издано существовавшей при томъ же университетѣ кассой радикаловъ. Это воззваніе попало въ руки пишущаго эти строки въ плохомъ, гектографированномъ оттискѣ. Ясно было, что авторы воззванія и лишены были хорошаго копировальнаго аппарата, и вынуждены были дѣлать свою работу украдкой и, наконецъ, набросали строки своего воззванія спѣшно, въ минуты большого возбужденія. Поэтому для печати пришлось цитированныя выше строки нѣсколько стилизировать. Мысли же, высказанныя въ нихъ, довольно мѣтки и вполнѣ отвѣчаютъ истинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ только репрессалій не примѣняло русское правительство къ студентамъ, ему никакъ не удавалось окончательно

потушить и задавить студенческія движенія. Послѣднія періодически повторялись, разростались въ ширь и въ глубь и захватывали все болѣе и болѣе широкіе круги лицъ. Стараясь справиться съ этими студенческими движеніями и подсѣчь ихъ въ корнѣ, русское правительство прибѣгало уже къ суровымъ и жестокимъ мѣропріятіямъ: оно закрывало на короткіе и болѣе продолжительные сроки университеты, увольняло изъ университетовъ цѣлыя поколѣнія русскаго студенчества, сажало въ тюрьмы и ссылало въ Сибирь студентовъ сотнями и тысячами, вводило полицейско-бюрократическіе уставы, приказывало казакамъ бить студентовъ нагайками и солдатамъ — колоть ихъ штыками и стрѣлять въ нихъ изъ ружей, наконецъ поставило студентовъ внѣ законовъ страны, начавъ отдавать ихъ въ солдаты. Молодежь гибла сотнями и тысячами, но студенческія движенія у насъ на Руси не прекратились и не прекращаются. Не прекратились они даже теперь, когда съ высоты русскаго престола раздались слова о сердечномъ попеченіи, и министръ народнаго просвѣщенія торжественно обѣщалъ реформировать русскіе университетскіе уставы. Причину того обстоятельства, что и послѣ этого студенческіе безпорядки все еще стоятъ на очереди дня, нужно раньше всего и больше всего искать въ нынѣшнемъ строѣ всей русской государственной жизни. Эту зависимость продолжающихся смутъ и безпорядковъ отъ общихъ условій русской жизни выразилъ очень справедливо даже совѣтъ С.-Петербургскаго университета въ своемъ докладѣ министру народнаго просвѣщенія.

„Студенческія волненія, читаемъ мы, между прочимъ, въ этомъ докладѣ: зависятъ не только отъ причинъ внутренняго характера, коренящихся въ строѣ университетской жизни, но также и отъ различныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть измѣнены никакими перемѣнами въ уставѣ и правилахъ университета. Ибо университетъ, по справедливому замѣчанію Пирогова, служитъ самымъ чувствительнымъ барометромъ настроенія и состоянія общества. Вліяніе этихъ внѣшнихъ причинъ на университетскую жизнь посредствомъ ея цѣлесообразнаго устройства можно довести до наименьшихъ размѣровъ, но однимъ лишь этимъ путемъ нельзя оберегать спокойствіе университетовъ“.

Кажется, яснѣе говорить нельзя, и министръ народнаго просвѣщенія освѣдомленъ о настоящихъ причинахъ студенческихъ волненій изъ такого вполнѣ компетентнаго источника, какъ совѣтъ профессоровъ С.-Петербургскаго университета. Но зная превосходно тѣсное взаимоотношеніе между студенческими волненіями и строемъ русской жизни, зная также и то, какія требованія постоянно выставлялись студентами, русское правительство въ лицѣ генерала Ванновскаго, призваннаго водворить миръ и порядокъ въ русскихъ университетахъ, дало русскимъ студентамъ новыя временныя правила, въ которыхъ рѣзко и опредѣленно сказались все тѣже печальныя внѣшнія условія русской жизни.

Правда, новыми временными правилами, которыхъ мы здѣсь не приводимъ цѣликомъ, такъ какъ они были своевременно опубликованы около Новаго года во всей

русской печати, студентамъ давалось право организаціи, ассоціаціи и сходокъ, но это право обставлено такимъ широкимъ формализмомъ, что сводитъ временныя правила къ полному нулю. И даже не къ нулю, а еще хуже того, къ минусу русской студенческой жизни. И въ самомъ дѣлѣ, надо же принять во вниманіе, что если университетскій уставъ 1884 г. не разрѣшалъ ни сходокъ, ни организацій, то тѣ и другія тѣмъ не менѣе всегда существовали. Студенты всегда устраивали курсовыя или общестуденческія сходки, на каковыя ректоры и инспекторы очень часто не реагировали, прибѣгая лишь въ случаяхъ начинающихся броженій и безпорядковъ къ помощи администраціи и войска для того, чтобы прекратить и разогнать сходку. Точно также администрація университетовъ не только всегда знала о существованіи кассъ взаимопомощи, студенческихъ столовыхъ и читаленъ, но даже слегка и поощряла студентовъ, причастныхъ къ этимъ учрежденіямъ, надѣясь этимъ путемъ умиротворить ихъ, какъ дѣтямъ даютъ игрушку, чтобы они не плакали. Наконецъ, университетская администрація всегда была превосходно освѣдомлена о томъ, что студенты организовываютъ тайкомъ цѣлый рядъ грушъ, кассъ, землячествъ и союзовъ, очень часто противоправительственнаго характера. Но и на это администрація старалась по возможности меньше реагировать, пока начинавшіеся безпорядки и волненія не вели къ полному разгрому тайныхъ землячествъ и союзовъ. Такъ вотъ, если принять все это во вниманіе, временныя правила, разрѣшавшія организацію и сходку, являлись въ полномъ смыслѣ минусомъ:

правительство легализировало то, что уже въ сущности существовало, но весьма хитроумно замѣнило существовавшую негласную свободу и отсутствіе по указаннымъ причинамъ недреманнаго ока начальства гласнымъ контролемъ, бюрократическимъ режимомъ и шпіонскимъ надзоромъ. Возмутительнѣе же всего было въ данномъ случаѣ то, что правительство въ своихъ временныхъ правилахъ пожелало навязать роль шпіоновъ и надсмотрщиковъ за студенческими сходками и собраніями гг. профессорамъ. Надо отдать справедливость нашимъ русскимъ профессорамъ, они отказались въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ своимъ лекторскимъ обязанностямъ присоединить еще шпіонскія обязанности. Вотъ что писалъ по оффиціальному адресу проф. С.-Петербургскаго университета И. Д. Бодуэнъ-де-Куртене*):

„Обязательное присутствіе профессоровъ на студенческихъ собраніяхъ я считаю не только излишнимъ, но даже вреднымъ и опаснымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: при чтеніи заключеній по этимъ вопросамъ, еще болѣе предшествующихъ этимъ заключеніямъ соображеній получается впечатлѣніе какой то идилліи, не современной идилліи, но идилліи будущаго. Стоитъ только инспекторскія и политическія обязанности возложить на профессоровъ, и всѣ станутъ благодушествовать. Жизнь же университетская потечетъ ровно и спокойно. Подобное рѣшеніе возможно только при крайне оптимистическомъ

*) Въ виду крупнаго общественнаго интереса мы приводимъ эту докладную записку цѣликомъ.

взглядѣ какъ на профессоровъ, такъ и на студентовъ. Профессора не отличаются полнымъ самообладаніемъ и между ними нѣтъ людей не нервныхъ, увлекающихся, безтактныхъ, обидчивыхъ, вспыльчивыхъ и въ порывѣ негодованія способныхъ говорить дерзости. Студенты же обладаютъ тѣми же качествами, питаютъ кромѣ того безграничное довѣріе и уваженіе къ своимъ воспитателямъ и наставникамъ. Къ сожалѣнію, дѣйствительность весьма далека отъ этого идеала, и я полагаю, что ужъ одно постоянное обязательное присутствіе профессора будетъ стѣснять студентовъ, дѣйствовать на нихъ раздражающимъ образомъ и все болѣе и болѣе возстановлять ихъ противъ всей профессорской коллегіи. Въ соображеніяхъ по поводу вопроса 18, между прочимъ, рисуется картина, какъ во время безпорядковъ въ университетѣ подъ наблюденіемъ такого авторитетнаго лица, какъ одинъ изъ представителей профессорской коллегіи, будетъ происходить перепись виновныхъ студентовъ. Всѣмъ извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно не тѣ дѣйствительные виновники, кто въ возбужденіи и поръ вліяніемъ минутнаго настроенія толпы больше всего кричатъ и скандалятъ, а между тѣмъ именно такіе прежде всего падаютъ жертвой случайной переписи на глазомѣръ, что конечно не справедливо. Но и съ формальной стороны я представляю себѣ возможность произведенія подобной операціи безъ прискорбныхъ столкновеній только въ томъ случаѣ, если переписываемые студенты будутъ вести себя смирно, какъ бараны, обреченные на закланіе, или какъ босняки или другіе сербы, привыкшіе во время

турецкаго владычества подходить къ начальству съ повинной головой, и дѣлая живописный жестъ рукой по затылку, проговорить: его ти главу (вотъ тебѣ голова). Но врядъ ли наши студенты будутъ такими умниками. Напротивъ того, именно участіе въ полицейской переписи представителя профессорской коллегіи, слѣдовательно лица, съ сознаніемъ котораго просто не совмѣстимы подобныя функціи, будетъ дѣйствовать сугубо возбуждающимъ и раздражающимъ образомъ, а отсюда до оскорбленія представителя профессорской коллегіи только одинъ шагъ. Конечно, при существованіи легальной организаціи студентовъ и легальныхъ студенческихъ собраній возникновеніе университетскихъ безпорядковъ становится почти невозможной, но уже сама мысль объ усмиреніи такихъ безпорядковъ профессорами при помощи проектируемыхъ полицейскихъ мѣръ представляется мнѣ неудобной, почти также какъ пагубной для всей профессорской коллегіи. Явилось бы возложеніе на нее цѣликомъ попеченіе объ университетскомъ благочиніи. Исполненіе подобной функціи не только не подняло бы авторитета и престижа профессорской коллегіи, но напротивъ того окончательно бы ихъ уронило въ глазахъ студентовъ.

„Обязательное присутствіе профессоровъ на всѣхъ студенческихъ собраніяхъ отвлечетъ чуть ли не половину профессоровъ отъ ихъ непосредственныхъ и по моему единственныхъ служебныхъ обязанностей: читать лекціи, обдумывать и приготовлять добросовѣстно эти лекціи и, наконецъ, посвящать свой досугъ научнымъ занятіямъ. Вѣдь мы хлопочемъ о значительномъ увеличеніи содержа-

нія для того, чтобы профессора, не обременяя себя посторонними университету занятіями, получили возможность отдавать свое время и силы научнымъ и преподавательскимъ трудамъ. И рядомъ съ этимъ навязываемъ профессорамъ функціи, которыя гораздо меньше вяжутся со званіемъ ученаго профессора, нежели занятіе разныхъ должностей, близкихъ къ спеціальности даннаго лица. Нѣкоторые считаютъ исполненіе такихъ полицейскихъ функцій просто повинностью профессора, но я напротивъ считаю своею нравственною обязанностью не признавать рѣшительно подобной повинности прежде всего потому, что не нахожу въ себѣ способностей, ни подготовки къ исполненію роли полицейскаго коммиссара или педеля или же воспитателя-наставника студентовъ. Будетъ съ меня, если мнѣ удастся сблизиться съ моими слушателями и другими обращающимися ко мнѣ студентами на научной почвѣ. Конечно, если при этомъ въ частномъ разговорѣ зайдетъ рѣчь о злобѣ дня и о волнующихъ молодежь вопросахъ, я откровенно выскажу мое мнѣніе, хотя бы оно вызвало неудовольствіе моихъ собесѣдниковъ. Но за исполненіе обязанностей полицейскаго коммиссара, за контроль надъ поведеніемъ не только малочисленнаго собранія, но даже толпы (какой по необходимости будутъ не только общестуденческія но даже факультетскія, а иногда и курсовыя собранія студентовъ) — большое спасибо. У меня намѣчено столько научныхъ задачъ и трудовъ, что я съ ужасомъ думаю о краткости времени и о необходимости принимать разныя другія, но оплачиваемыя работы для того, чтобы сдѣлать возможнымъ

хоть сколько нибудь сноснымъ существованіе свое и своей семьи, и полагаю, что въ томъ же положеніи находятся и многіе другіе. Было бы весьма прискорбно, если бы слишкомъ частыя и продолжительныя собранія отвлекали самихъ студентовъ отъ научныхъ занятій, а несравненно прискорбнѣе, если бы и профессора были принуждены тратить время наравнѣ со студентами, да кромѣ того однимъ своимъ присутствіемъ вызвали иногда новое собраніе и новую трату времени. Вообще отъ наложенія на профессоровъ подобной обязанности можно ожидать только пониженія уровня университетской науки въ Россіи.

„Присутствіе профессоровъ на студенческихъ собраніяхъ оправдывается необходимостью ограждать студентовъ въ истинномъ видѣ. Это по моему тоже проявленіе слишкомъ идеальнаго взгляда, не считающагося съ дѣйствительностью. Свѣдѣнія о томъ, что происходитъ на студенческихъ собраніяхъ, получаются другимъ путемъ. Кротѣ того можетъ случиться, что несмотря на всѣ усилія профессору никакъ нельзя будетъ только ограждать студентовъ. Вообще разъ студенческія собранія будутъ признаны законными, такъ нужно питать къ нимъ нѣкоторое довѣріе и позволить имъ въ стѣнахъ университета вести дѣла какъ знаютъ, лишь бы они не выходили за предѣлы приличія и не нарушали порядка, а это можно достигнуть устраненіемъ всякаго обязательнаго контроля. Собранія же студентовъ внѣ университета будутъ вершиться на основаніи общихъ законовъ и правилъ, тамъ уже роль профессора не при чемъ.

„Подобной организаціи студентовъ подъ постояннымъ бдительнымъ контролемъ профессоровъ не было до сихъ поръ нигдѣ въ мірѣ, и это былъ бы первый опытъ, единственный въ своемъ родѣ. Я считаю подобный опытъ крайне рискованнымъ и полагаю, что онъ приведетъ къ полнѣйшему фіаско.

„Странной мнѣ кажется и боязнь словъ, которою отличается и заключеніе, и еще болѣе соображеніе. Вѣдь все въ названіи дѣло и въ томъ, что именно такъ или иначе названный человѣхъ долженъ дѣлать и дѣлаетъ.

„Обыкновенный педель, дѣйствующій въ извѣстныхъ случаяхъ отъ имени закона и не позволяющій себѣ выходки, возможныя только при существованіи произвола и превышенія власти, въ глазахъ студентовъ Германіи и раньше тоже въ Дерптѣ пользуется полнымъ авторитетомъ. Съ другой же стороны не только профессоръ, но даже родной отецъ, постоянно присматривающій и контролирующій, долженъ возбудить негодованіе и презлобное настроеніе. Въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (историко-филологическомъ институтѣ, институтѣ путей сообщеній и т. д.) существуютъ инспектора, пользующіеся общимъ уваженіемъ и не возстановляющіе противъ себя ни студентовъ, ни общественнаго мнѣнія зато только, что они инспектора. Поэтому я не вижу никакой существенной перемѣны отъ того, что вмѣсто инспектора явится смотритель, вмѣсто проректора — товарищъ ректора. Все таки на нихъ налагаются извѣстныя инспекторскія и полицейскія обязанности, которыя конечно при новомъ строѣ университетской жизни будутъ

несравненно легче задачъ, возлагаемыхъ на инспекцію уставомъ 1884 года.

„Какъ для успокоенія студентовъ и развитія въ нихъ столь важнаго во всѣхъ благоустроенныхъ группахъ чувства законности, такъ и для созданія прочныхъ основъ университетской жизни вообще, я считаю неизбѣжнымъ введеніе въ университетскій уставъ и осуществленіе на дѣлѣ двухъ слѣдующихъ статей: 1) Дается студентамъ право сходокъ на основаніи правилъ, вырабатываемыхъ самими студентами и утверждаемыхъ одной изъ университетскихъ властей (напримѣръ ректоромъ или совѣтомъ). Именно сходокъ. Слова сходка намъ нечего бояться и вообще боязнь какихъ бы то ни было словъ совершенно неумѣстна. 2) Ни профессоръ, ни студентъ, ни какое бы то ни было лицо, принадлежащее къ университету, не можетъ быть подвергаемо ни увольненію, ни исключенію, ни какому бы то ни было наказанію безъ слѣдствія и суда. — И. Бодуэнъ-де-Куртене“.

Читатели поняли, конечно, уже изъ этого доклада, что еще до опубликованія временныхъ правилъ министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ совѣту профессоровъ С.-Петербургскаго университета съ предложеніемъ высказаться по поводу этихъ правилъ и проэктируемаго вообще пересмотра университетскаго устава. Названный совѣтъ изложилъ свое мнѣніе въ особой запискѣ, состоявшей изъ соображеній и заключеній. Къ сожалѣнію, намъ удалось раздобыть только лишь однѣ заключительныя строки этой записки, приведенныя уже выше. Какъ это водится въ подобныхъ случаяхъ, къ

запискѣ было приложено цитированное нами выше особое мнѣніе профессора Будуэна-де-Куртене, какъ равно и составленное въ лаконической формѣ особое мнѣніе профессора И. И. Боргмана:

„По моему глубокому убѣжденію, обязательное присутствіе профессоровъ на собраніи студентовъ не только не желательно, но и опасно, ибо таковое присутствіе можетъ повести къ серьезнымъ столкновеніямъ студентовъ съ профессорами и можетъ въ значительной степени ослабить вліяніе профессоровъ на студентовъ". Къ этому мнѣнію присоединились слѣдующіе профессора С.-Петербургскаго университета: С. Хвольсонъ, А. Марковъ, И. Ивановскій, Л. Ждановъ, Л. Коркинъ, А. Войейковъ, Н. Палладинъ, Н. Шевяковъ, С. Платоновъ, Баронъ Розенъ, И. Жуковскій, Морръ, Д. Меліоранскій, Д. Мижиленко, Л. Петражицкій, Э. Соколовъ, Д. Лавровъ, Пташицкій, С. Браунъ, Н. Бертольдъ, Д. Товинъ, И. Шимкевикъ, Берентсъ, Д. Бобылевъ, И. Сакобскій, Бодуэнъ-де-Куртене.

И несмотря на все это временныя правила все таки были утверждены и опубликованы къ исполненію. Мы ознакомимся сейчасъ съ тѣмъ, какъ они были приняты студентами. Одними изъ первыхъ собрались 17-го января т. г. студенты С.-Петербургскаго технологическаго института. Обсуждались временныя правила студенческихъ организацій. Собралось на сходку нѣсколько соть студентовъ, но послѣ рѣчи директора многіе разошлись. Оставшіеся приняли единогласно слѣдующую резолюцію: „Мы, студенты технологическаго института, собравшись на сходкѣ въ числѣ 218 человѣкъ для обсужденія времен-

ныхъ правилъ нашихъ организацій и находя ихъ не только не отвѣчающими основнымъ требованіямъ студентовъ, но являющимися шагомъ назадъ съ существующимъ даже въ нашемъ институтѣ порядкомъ, — отказываемся принять эти временныя правила и обращаемся къ товарищамъ съ просьбой поддержать нашъ протестъ отказомъ отъ участія въ баллотировкахъ".

Сообщая объ этомъ постановленіи, студенческій организаціонный комитетъ добавляетъ въ своемъ бюллетенѣ:

„Нѣтъ сомнѣнія, что принявъ подбную организацію мы пошли бы пути, несовмѣстимому съ академической свободой, до сихъ поръ являющейся девизомъ всѣхъ студенческихъ движеній, не говоря уже о требованіяхъ иного характера".

„Признавая, что временныя правила 1902 г. идутъ даже далѣе устава 1884 г. въ видѣ административнаго надзора и опеки надъ безпризорнымъ студенчествомъ мы предлагаемъ всѣмъ согласнымъ принципіально съ вынесенной сходкой резолюціей воздержаться отъ всякихъ баллотировокъ, похоронивъ такимъ образомъ въ самомъ началѣ попытку внести въ студенческомъ среду начала дезорганизаціи".

На той же сходкѣ было постановлено предложить лицамъ, согласнымъ съ рѣшеніемъ сходки, но не бывшимъ на ней по тѣмъ или инымъ причинамъ, присоединить свои голоса. И дѣйствительно уже на слѣдующій день было собрано 55 новыхъ подписей. Спустя пару дней были назначены выборы старостъ на пятомъ курсѣ механиче-

скаго и химическаго отдѣленій, но выборы эти не могли состояться за неявкой законнаго числа баллотирующихъ. Изъ 117 человѣкъ механическаго отдѣленія, находившихся въ то время въ Петербургѣ, явилось къ выборамъ всего 45. На химическомъ отдѣленіи желающихъ принять участіе въ выборахъ, повидимому, совсѣмъ не оказалось. Изданный на слѣдующій день организаціоннымъ комитетомъ бюллетень констатировалъ съ удовольствіемъ, что произвести выборы не удалось даже на самомъ благонамѣренномъ курсѣ технологическаго института. „Съ полнымъ удовлетвореніемъ мы отмѣчаемъ тотъ фактъ, что наши товарищи пятаго курса, хотя бы то было просто изъ чувства порядочности, отказались отъ выбора старостъ, призванныхъ осуществить правила, противъ которыхъ высказались даже многіе профессора. Была, правда, довольно серьезная попытка со стороны нѣкоторыхъ студентовъ пятаго курса провести во что бы то ни стало организацію, но съ тѣмъ большею увѣренностью мы можемъ считать дѣло временныхъ правилъ сданнымъ въ архивъ многихъ благихъ начинаній начальства, съ такимъ же успѣхомъ фигурировавшихъ въ качествѣ мѣръ успокоенія безпокойныхъ“. На слѣдующій день выборы старостъ на четвертомъ курсѣ дали опять таки лишь отрицательные результаты: изъ 175 механиковъ явилось для баллотировки лишь 15 человѣкъ. Среди химиковъ не нашлось ни одного желающаго. Словомъ, въ приведенной формулѣ, принятой сходкой 17-го января, сказалось мнѣніе большинства студентовъ технологическаго института по вопросу о студенческихъ организаціяхъ.

Сходка въ С.-Петербургскомъ лѣсномъ институтѣ состоялась 29-го января. На этой сходкѣ присутствовало 330 человѣкъ, что отнюдь не мало, если принять въ соображеніе, что всего въ лѣсномъ институтѣ числится около 500 человѣкъ студентовъ. Обсуждался вопросъ о принятіи временныхъ правилъ. Пренія были непродолжительны, и результатомъ ихъ явилась слѣдующая лаконическая резолюція: „Мы, студенты лѣсного института, отказываемся отъ принятія временныхъ правилъ".

О настроеніи студентовъ С.-Петербургскаго университета свидѣтельствуютъ слѣдующія строки изъ цитированнаго нами уже выше воззванія группы студентовъ этого университета: „Правительство думаетъ, что тѣхъ, кого оно не могло устрашить всевозможными репрессаліями, можно подкупить подачкой. Бросая ее намъ оно разсчитываетъ, что студенчество займется, какъ дитя подаренной игрушкой, устройствомъ своихъ мелкихъ дѣлишекъ и закроетъ глаза на все, что творится за стѣнами университета". Студенты университета немедленно же поняли, что временныя правила есть въ сущности значительный шагъ назадъ. Конфликтъ, дѣйствительно, не замедлилъ разыграться. Уже съ нѣкотораго времени между старостами (которые были избраны въ ноябрѣ еще до появленія временныхъ правилъ) и коммиссіей для введенія новаго устава стали замѣчаться недоразумѣнія. Какъ оказалось, профессоръ А. И. Введенскій, предсѣдатель группы профессоровъ, участвовавшихъ въ засѣданіяхъ совѣта старостъ, не подписывался подъ протоколами и этимъ путемъ не давалъ имъ оффиціальнаго характера.

Студенты просили отвести имъ одну изъ витринъ въ университетѣ для вывѣшиванія протоколовъ совѣта старостъ, но Введенскій постоянно имъ въ этомъ отказывалъ. Такимъ образомъ дѣятельность старостъ сводилась къ нулю. Всего было старостъ 46. Въ январѣ съѣхалось въ Петербургъ 39; 37 изъ нихъ потребовали сообща созыва общаго собранія студентовъ, ссылаясь на то, что по соглашенію между администраціей и студентами, состоявшемуся въ ноябрѣ, для общестуденческаго собранія необходимо согласіе $^2/_3$ присутствующихъ на засѣданіи старостъ. Это условіе было выполнено, но профессоръ Введенскій отъ имени коммиссіи объявилъ, что введенными временными правилами право общихъ сходокъ отнято. Имѣются лишь общія собесѣдованія студентовъ, но они могутъ быть устроены лишь по желанію одного изъ профессоровъ коммиссіи и подъ его личною отвѣтственностью. Подобный сурогатъ общихъ сходокъ не удовлетворилъ старостъ. На очереди стояли важные вопросы, и совѣтъ старостъ сталъ настаивать на разрѣшеніи общей сходки. Тогда профессоръ Введенскій сказалъ имъ: Университетъ есть учрежденіе чисто научное. Въ немъ водворился безпорядокъ, и старосты призваны опять ввести порядокъ. Въ этомъ ихъ главная роль. Тѣмъ, что старосты требуютъ сходки, они измѣняютъ своей роли. Они, слѣдовательно, не выдерживаютъ такта, въ то время какъ должны были бы, подобно коммиссіи профессоровъ, изворачиваться и лавировать. Предсѣдатель старостъ заявилъ, что если коммиссія и находитъ для себя возможнымъ изворачиваться, то сту-

денты на это не способны. Введенскій сказалъ, что онъ не такъ выразился, и взялъ свои слова назадъ. Общая сходка имъ такъ-таки на 5-ое февраля не была разрѣшена, и старосты, не желая играть роли умиротворяющаго начала въ университетѣ, вышли всѣ вмѣстѣ въ отставку. Тогда профессоръ Введенскій отъ имени коммиссіи созвалъ согласно временнымъ правиламъ курсовыя сходки для выбора старостъ, но всюду почти единогласно организація была отвергнута и одобренъ образъ дѣйствій старостъ. Старосты были избраны только лишь на трехъ курсахъ факультета восточныхъ языковъ. Министерству, конечно, было доложено о недовольствѣ студентовъ о собраніи, вызванномъ въ ихъ средѣ временными правилами. Министерство не придумало ничего лучшаго, какъ прибѣгнуть къ угрозѣ. Какъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, такъ и тамъ же въ технологическомъ институтѣ было вывѣшено слѣдующее оффиціальное оповѣщеніе: Въ случаѣ если при повтореніи безпорядковъ придется закрыть университетъ (или технлогическій институтъ) студенты 2-го и слѣдующихъ курсовъ будутъ оставлены на второй годъ, студенты же 1-го курса будутъ уволены и въ августѣ будутъ приниматься на равныхъ правахъ съ вновь поступающими.

Между тѣмъ, 5-го февраля была назначена общая нелегальная сходка. Предсѣдателемъ былъ избранъ единогласно предсѣдатель совѣта старостъ, естественникъ 4-го курса Таскинъ. Сходка разбирала три вопроса. 1) Одобряютъ ли студенты выходъ старостъ въ отставку? Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ

почти единогласно; 2) Каково отношеніе сходки къ организаціи, предлагаемой временными правилами? Организація была отвергнута большинствомъ 1063 голосовъ противъ пяти, причемъ 26 воздержалось отъ голосованія; 3) Что дѣлать дальше? Сходка большинствомъ 648 голосовъ противъ 118 (при 73 воздержавшихся) рѣшила забастовку съ обструкціей. Принятая резолюція гласила такъ: „Отвергая временную организацію, данную въ ноябрѣ, и временныя правила отъ 22-го декабря, мы, студенты С.-Петербургскаго университета, рѣшили и впредь игнорировать всякую оффиціальную организацію, не удвлетворяющую какъ de jure такъ de facto во первыхъ потребность студентовъ въ общихъ сходкахъ и во вторыхъ потребность въ свободѣ слова, какъ гарантіи личной неприкосновенности“.

Министерство народнаго просвѣщенія отвѣтило на постановленіе студентовъ начать забастовку немедленнымъ закрытіемъ университета на неопредѣленное время. Эта мѣра сочтена была тѣмъ болѣе желательной и необходимой, что черезъ два дня долженъ былъ наступить день годовщины основанія университета, то самое 8-ое февраля, что̀ три года назадъ ознаменовалось жестокимъ избіеніемъ студентовъ. Въ газетахъ было объявлено, что обычный годичный актъ въ университетѣ отмѣняется. Всѣ профессора получили оффиціальное циркулярное оповѣщеніе о прекращеніи лекцій. Студенты созвали цѣлый рядъ сходокъ, прошедшихъ весьма оживленно. Предполагая, что студенты готовятъ большую демонстрацію, полиція приняла въ день 8-го февраля чрезвычайно крупныя

мѣры предосторожности. Но эти хлопоты были напрасны. День прошелъ сравнительно спокойно. Но въ громадномъ Народномъ театрѣ по ту сторону Невы въ этотъ же день произошло первое кровавое побоище. Подробности его таковы. Студенты высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга рѣшили скупить на 8-ое февраля всѣ билеты въ Народный домъ. Это не было тайной для полиціи. Послѣдняя надѣялась даже этимъ путемъ отвлечь студентовъ отъ центральныхъ частей города. Поэтому администрація распорядилась, чтобы кассиръ отказывалъ въ билетахъ частной публикѣ подъ тѣмъ мотивомъ, будто всѣ билеты проданы. Студенты же находили билеты въ массовомъ количествѣ. На спектаклѣ шло все довольно мирно. Въ одной изъ лежащихъ передъ нами прокламацій разсказывается, что когда человѣкъ двѣсти технологовъ, студентовъ университета и курсистокъ вошли въ Народный домъ, они застали уже внутри зданія значительный отрядъ полиціи. Это не произвело особеннаго впечатлѣнія, потому что никто изъ студентовъ не былъ склоненъ къ какимъ бы то ни было демонстративнымъ дѣйствіямъ и никто не думалъ, что полиція могла бы напасть на нихъ безъ повода. Часовъ въ десять кричали ура университету. Ура не произвело никакого впечатлѣнія на полицію. Черезъ часъ же, т. е. въ одиннадцать часовъ, когда спектакль кончился и музыка сыграла маршъ и зорю, толпа студентовъ почему то раньше обыкновеннаго хлынула къ выходу съ тѣмъ же мирнымъ ура, но полиція стала у дверей и не выпускала публику. Тотчасъ въ залъ ворвалась полиція и бросилась на публику, преимущест-

венно на студентовъ. Били кулаками, били ногами даже упавшихъ. Толпа вырвалась на улицу, но тамъ ее встрѣтилъ отрядъ конной полиціи и снова началось избіеніе. Таковы факты.

Одинъ изъ очевидцевъ разсказываетъ, что на спектаклѣ все шло мирно. По окончаніи же его компанія человѣкъ въ 60 осталась въ буфетѣ и стала произносить всякаго рода тосты, и между прочимъ за отмѣну временныхъ правилъ. По окончаніи тостовъ къ одному изъ говорившихъ рѣчь подошелъ шпіонъ и не то дернулъ его, не то ударилъ по плечу. Это послужило какъ бы сигналомъ. Изъ корридоровъ, изъ буфета и ближайшихъ ложъ высылали полицейскіе и дворники, очевидно, уже заранѣе ловко спрятаные. И стали они бить кого попало и чѣмъ попало. Нашъ очевидецъ разсказываетъ, что на одного студента приходилось по меньшей мѣрѣ пять полицейскихъ и дворниковъ. Избитыхъ студентовъ заперли и продержали до утра, не считаясь съ серьезностью понесенныхъ ими поврежденій. Одному студенту-медику переломили ногу и только утромъ отправили его въ академію, гдѣ ему и сдѣлана была ампутація. Это фактъ, такъ какъ съ этимъ студентомъ горорили и его видѣли...

Были ли убитые? Внѣ всякаго сомнѣнія. Если изъ одного источника это передается только лишь какъ слухъ, то изъ другого источника, сильно смахивающаго на полицейскую реляцію, мы узнаемъ слѣдующее: студенты якобы стали расходиться съ пѣснями послѣ спектакля. На улицѣ ихъ встрѣтила толпа дворниковъ и стала бить. Студенты хлынули назадъ въ залъ театра. Въ тоже

время на столъ вскочилъ приставъ и крикнулъ: бейте ихъ! Въ отвѣтъ ему въ голову полетѣла бутылка. Началась общая свалка, студенты защищались какъ могли. Въ дѣло пускались стулья, столики и посуда. Дворники повреждены якобы больше, чѣмъ студенты, и убитыхъ будто бы первыхъ больше, нежели послѣднихъ. Такимъ образомъ подтверждаются свѣдѣнія иностранныхъ газетъ, поскольку дѣло касается избіенія студентовъ полицейскими и дворниками (послѣдніе, какъ извѣстно, играютъ въ Петербургѣ роль шпіоновъ и низшихъ полицейскихъ чиновъ и были толпою посланы въ Народный домъ, чтобы изображать изъ себя .... народъ, якобы возставшій противъ студентовъ), а также обилія раненыхъ и увѣчныхъ. Не подтверждается лишь то, будто студенты говорили рѣчи къ народу и читали прокламаціи. Приведемъ въ заключеніе письмо одной студентки о томъ же событіи въ Народномъ домѣ, такъ какъ оно содержитъ нѣкоторыя новыя детали: „вчера въ Народномъ домѣ было повтореніе въ нѣкоторомъ родѣ 4-го марта прошлаго года. Дѣло въ томъ, что вчера, 8-го февраля, не разрѣшены были вечеринки марксистская и народническая, разрѣшаемыя ежегодно въ этотъ день. Тогда часть студентовъ и курсистокъ отправились въ Народный домъ, вопреки предупредительной прокламаціи Союзнаго совѣта, въ которой онъ убѣждалъ не ходить никуда толпами, чтобы не имѣть столкновеній съ полиціей и тѣмъ сберечь силы для дальнѣйшаго. Одинъ изъ студентовъ, бывшихъ въ Народномъ домѣ, провозгласилъ тостъ за погибшихъ товарищей, а другой произнесъ проклятіе виновникамъ

ихъ гибели, называя этихъ виновниковъ ихъ собственными именами. Но тутъ откуда не возьмись посыпались на нихъ казачьи нагайки, шашки и т. п. мартовскія орудія. Мы сегодня бѣгали всѣ, какъ угорѣлые. Аресты безъ числа. Сейчасъ я ходила къ одной курсисткѣ, бывшей вчера въ Народномъ домѣ. Оказывается, что она со вчерашняго дня не возвращалась. Нервы у всѣхъ страшно приподняты. Городовые прямо цѣлыми ротами шествуютъ по городу".

Выпущенный черезъ три дня послѣ событія въ Народномъ домѣ бюллетень организаціоннаго комитета подводитъ полный итогъ ситуаціи въ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, институтъ путей сообщенія закрытъ по приказанію министра, но несмотря на запрещеніе инспектора на 11-ое февраля назначена была сходка. На слѣдующій день сходки были назначены въ лѣсномъ институтѣ, технологическомъ институтѣ и институтѣ гражданскихъ инженеровъ. Спустя три дня сходки были назначены въ электро-техническомъ институтѣ и военно-медицинской академіи. На высшихъ женскихъ курсахъ сходка состоялась уже 9-го февраля подъ живымъ впечатлѣніемъ вчерашняго происшествія. Большинствомъ была принята полная забастовка, причемъ подачу голосовъ рѣшено продолжать по отдѣльнымъ курсамъ. Въ горномъ институтѣ было вывѣшено объявленіе: По приказанію министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ горный институтъ объявляется закрытымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вывѣшено было приведенное уже выше предварительное объявленіе студентамъ,

въ которомъ указывалось, что въ случаѣ безпорядковъ всѣ студенты оставляются на второй годъ на томъ же курсѣ, а первый курсъ исключается совершенно съ правомъ обратнаго поступленія на общихъ основаніяхъ. Эта же мѣра была примѣнена уже въ С.-Петербургскомъ университетѣ, который оставался закрытымъ до 26-го февраля. По поводу отклоненія временныхъ правилъ и рѣшенія назначить общую забастовку правленіе университета назначило особую коммиссію для произведенія слѣдствія. На основаніи собраннаго этой коммиссіей матеріала правленіе постановило: десять студентовъ исключить безъ права поступленія куда бы то ни было; 26 студентовъ уволить съ правомъ поступленія въ другіе университеты; 15 человѣкъ уволить до 1903 г.; 36 чел. уволить до января 1904 г.; 166 чел. объявить выговоръ со внесеніемъ въ штрафную книгу, и изъ нихъ 64 временно воспретить входъ въ университетъ; 242 чел. объявить выговоръ съ предупрежденіемъ, что они будутъ исключены, лишь только попадутся вторично; наконецъ 89 чел. оправдано. Къ очень многимъ была примѣнена на дѣлѣ цитированная выше угроза. Этимъ студентамъ было предложено вскорѣ подавать прошенія о желаніи ихъ поступить снова въ университетъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы студенты дали честное слово, что не будутъ устраивать больше никакихъ безпорядковъ. Студенты видѣли въ этомъ одну лишь формальность и давали честное слово. Когда объявлено было, что занятія въ университетѣ возобновятся 26-го февраля, многіе студенты настаивали, что согласно разъ принятому рѣшенію въ

стѣнахъ университета должна вестись полная обструкція. Но администрація узнала объ этомъ своевременно, и въ университетъ впускались только лишь тѣ студенты, которые были снабжены особыми входными билетами. А такъ какъ многіе уволенные уже разъѣхались, многіе же изъ обструкціонистовъ не получили входныхъ билетовъ и не могли проникнуть въ университетъ, то обструкція вышла крайне слабой. Въ первый день возобновившихся занятій обструкція почти не велась, за отсутствіемъ студентовъ. Во второй и третій день опять обструкціонистовъ было очень мало, и пришлось прибѣгнуть къ распространенію зловонія химическими веществами. Явилась въ аудиторіяхъ и оппозиція противъ обструкціонистовъ, причемъ послѣднимъ было не трудно обнаружить, что среди оппозиціи много сыщиковъ, нарядившихся въ студенческую форму. Несмотря на ихъ протесты обструкціонистамъ удалось выкурить цѣлый рядъ профессоровъ изъ аудиторій. На четвертый день нѣкоторымъ обструкціонистамъ удалось проникнуть въ университетъ и безъ входныхъ билетовъ, такъ что ихъ число возросло до 25—30 чел. Но оппозиція, состоявшая изъ переодѣтыхъ сыщиковъ, встрѣтила ихъ кулаками и настолько избила, что послѣ этого обструкція уже не могла возобновиться. Лекціи шли отнынѣ своимъ порядкомъ, но посѣщало ихъ не болѣе 200 чел.

Между тѣмъ правительство пріуготовило студентамъ военно-медицинской академіи новый сюпризъ, способный лишь увеличить броженіе и недовольство. А именно предполагавшіеся еще раньше годомъ лагерные 4-хъ

мѣсячные сборы теперь, въ концѣ января, были утверждены правительствомъ окончательно. Вслѣдствіе этого теперешній первый курсъ весь безъ исключенія долженъ послѣ экзаменовъ ѣхать куда нибудь въ провинціальный городъ, гдѣ студентовъ размѣстятъ въ лагеряхъ по два человѣка на роту и будутъ обучать вмѣстѣ съ солдатами въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ. Вопросъ объ этихъ лагерныхъ сборахъ началъ обсуждаться на всѣхъ курсахъ, и въ особенности первокурсники возмущались, что при поступленіи въ академію ихъ не предупредили объ этомъ. Студенты просили общей сходки, но начальникъ академіи таковой не разрѣшилъ и сталъ ходить по курсамъ со словами увѣщеванія. Тѣмъ не менѣе 1-го февраля собралась общая сходка. Такъ напр. штабъ-офицеры, наблюдающіе каждый отдѣльный курсъ, переписали всѣхъ студентовъ. По распоряженію военнаго министра, коему подчинена академія, для распредѣленія виновныхъ по степенямъ составилась особая коммиссія изъ начальника академіи, пяти профессоровъ и штабъ-офицеровъ. Рѣшены были слѣдующія наказанія: выговоръ всѣмъ, однимъ предупрежденіе, другимъ — отсидка на гауптвахтѣ отъ 1 до 4-хъ недѣль. Министръ нашелъ это постановленіе слишкомъ снисходительнымъ, но утвердилъ его съ тѣмъ, чтобы 16 студентовъ, бывшихъ участниками прошлогодней демонстраціи на Казанской площади, были немедленно уволены изъ академіи. Бумаги этихъ 16 лицъ были отосланы въ охранное отдѣленіе, и въ ночь съ 7-го на 8-го февраля они получили отъ полиціи предписаніе оставить Петербургъ въ 24 часа.

Само собою разумѣется, что эта мѣра вызвала сильное возбужденіе среди студентовъ академіи, когда они узнали объ этомъ 8-го февраля. Въ тотъ же день, какъ мы знаемъ, произошло вечеромъ избіеніе въ Народномъ домѣ. Возбужденіе росло не по днямъ, а по часамъ и нашло себѣ явственное выраженіе въ грандіозной манифестаціи, устроенной 3-го марта на Казанской площади. Уже за нѣсколько дней до демонстраціи въ Петербургѣ распространена была въ массовомъ количествѣ прокламація, призывавшая народъ собраться въ назначенный день передъ Казанскимъ соборомъ. Прокламація попала и въ руки полиціи, вслѣдствіе чего уже въ ночь на 3-го марта вся огромная Казанская площадь была занята конной жандармеріей и войсками. Тоже самое имѣло мѣсто и во всю значительную длину Невскаго проспекта. Наконецъ, по окраинамъ городъ также былъ оцѣпленъ войсками, чтобы воспрепятствовать массовому движенію рабочихъ къ центру. Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это группамъ студентовъ удавалось сплотиться въ улицахъ, побочныхъ къ Невскому проспекту. Развернувъ красныя знамена, эти группы направились къ католической церкви, стоящей неподалеку и къ Казанскому собору. Свидѣтелями этихъ сценъ была колоссальная толпа народа, столпившаяся на тротуарахъ Невскаго проспекта и побочныхъ улицъ. Среди толпы были многіе рабочіе. Когда толпа стала слишкомъ напирать по направленію къ Казанской площади, казаки бросились врассыпную и заставили всю толпу обратиться въ бѣгство, причемъ въ воздухѣ стоялъ свистъ нагаекъ, употреблявшихся

очень усердно въ дѣло. Затѣмъ казаки легкимъ маневромъ окружили всю толпу собравшихся студентовъ. По чьей то командѣ они набросились на безоружныхъ студентовъ, словно дикіе звѣри. Они били вокругъ себя кого попало нагайками, рубили беззащитныхъ шашками и топтали подъ ногами лошадей тѣхъ, кто упалъ. По словамъ корреспондента лондонской газеты Daily Express, раненные студенты насчитывались сотнями. Когда избіеніе было прекращено, всѣхъ раненныхъ и арестованныхъ заперли въ погребахъ полицейскихъ магазиновъ и гостинницъ. Тамъ ихъ продержали безъ медицинской помощи и безъ пищи до поздняго вечера, когда ихъ перевели втихомолку въ полицейскій арестный домъ. Въ то время когда это избіеніе происходило, нѣсколько въ сторонѣ близь городской думы собралось около 5000 рабочихъ опять таки подъ предводительствомъ студентовъ. Жандармы и казаки производили нѣсколько разъ настоящую аттаку на эту толпу рабочихъ. Тѣ и другіе пускали въ ходъ нагайки и шашки, но и рабочіе встрѣчали ихъ настоящимъ дождемъ изъ камней. Раненные были на обѣихъ сторонахъ, причемъ одинъ офицеръ былъ убитъ. Къ одному часу дня весь Невскій проспектъ былъ очищенъ отъ демонстрантовъ и зрителей, и полицейскимъ уже было не трудно справиться съ небольшими группами, собиравшимися въ побочныхъ улицахъ.

Корреспондентъ лондонской же газеты Times разсказываетъ то же самое въ нѣсколько болѣе мягкихъ краскахъ. По его словамъ демонстрація 3-го марта была подготовлена двумя работавшими совмѣстно комитетами,

изъ коихъ одинъ былъ составленъ студентами, а другой — рабочими. Демонстрація замышлялась уже ранѣе, но полиція принимала свои крутыя мѣры, и демонстрацію приходилось каждый разъ откладывать. Наконецъ, назначенъ былъ день 3-го марта, и въ тысячахъ прокламацій комитеты призывали собраться на Казанской площади всѣхъ, кто хочетъ требовать свободы слова, печати, собраній и личности. Когда къ полудню на Невскомъ проспектѣ собралась огромная масса народа, тамъ была уже цѣлая армія полиціи. Какъ только здѣсь или тамъ раздавалось восклицаніе революціоннаго характера или же развертывался одинъ изъ принесенныхъ красныхъ флаговъ, полицейскіе немедленно набрасывались и били шашками и нагайками кого попало. Очень многіе мужчины, женщины и дѣти были ранены, и нельзя сомнѣваться, что многіе были также и убиты. Демонстранты не оказывали никакого сопротивленія; спустя нѣсколько часовъ порядокъ былъ снова вполнѣ возстановленъ. Тотъ же корреспондентъ добавляетъ, что особенно замѣтно было участіе въ демонстраціи весьма многихъ рабочихъ. Въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и др. мѣстахъ они, какъ равно и въ Петербургѣ, шли заодно съ студентами. Въ заключеніе корреспондентъ разсказываетъ, что уже за нѣсколько дней до демонстраціи произведено было массовое количество арестовъ, какъ равно и послѣ демонстраціи опять таки арестовывали студентовъ массами.

Любопытно, что корреспондентъ Berl. Tag. передаетъ о томъ же самомъ событіи еще въ болѣе мягкихъ краскахъ, ссылаясь на то, что онъ былъ случайно очевидцемъ всего

происшедшаго, въ то время какъ корреспонденты названныхъ выше лондонскихъ газетъ, очевидно, передавали лишь на основаніи слышаннаго. Онъ разсказываетъ: 3-го марта на побочныхъ улицахъ Невскаго проспекта близъ Гостиннаго двора собрались около 400 студентовъ и 1000 рабочихъ, которые соединились въ одну фалангу, чтобы направиться къ Казанскому собору. Такъ какъ публика была оповѣщена объ этой демонстраціи уже за нѣсколько дней, то многотысячная толпа любопытныхъ собралась на Невскомъ проспектѣ. 600 конныхъ жандармовъ были разставлены по улицамъ и въ сосѣднихъ домахъ. Когда толпа студентовъ и рабочихъ развернула 17 красныхъ знаменъ съ надписями: Долой деспотизмъ! или Долой правительство! и стала угрожаетъ полиціи, ее окружили съ трехъ сторонъ и заставили ударами сабель и нагаекъ разбѣжаться. Само собою разумѣется у нихъ вырвали красные флаги, и корреспондентъ видѣлъ лично, что человѣкъ шесть студентовъ, бѣжавшихъ съ флагами во дворъ католической церкви, были ранены въ голову. У одной студентки онъ замѣтилъ рану надъ переносицей. Всѣ эти тяжело раненные лежали въ безпамятствѣ во дворѣ католической церкви, такъ какъ полиція не разрѣшала ни увести ихъ, ни подать имъ первую помощь. Вся демонстрація была подавлена въ 15 минутъ. Никто не защищался, но наоборотъ, всѣ бѣжали подъ ударами сабель. Человѣкъ 100 было арестовано, а передъ вечеромъ человѣкъ 10 тяжело раненныхъ были перевезены въ госпиталь. Въ общемъ это описаніе сходится съ двумя приведенными выше. Не подтверждаются лишь

ни значительное количество убитыхъ, ни схватка жандармовъ и казаковъ съ пятитысячной толпой рабочихъ. Появившійся вскорѣ же приказъ петербургскаго градоначальника говоритъ, что арестовано было 87 человѣкъ, изъ нихъ 45 студентовъ. На основаніи положенія объ усиленной охранѣ эти 87 лицъ подвергнуты аресту на три мѣсяца. Кромѣ того противъ главныхъ виновниковъ начато особое слѣдствіе, результаты котораго еще неизвѣстны къ тому времени, когда мы отдаемъ эти строки въ печать.

Мы переходимъ теперь къ изложенію того, какъ встрѣчены были тѣ же пресловутыя временныя правила студентами московскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ мѣстномъ техническомъ училищѣ состоялась сходка студентовъ, человѣкъ въ 500, 7-го февраля, Временныя правила были отвергнуты почти единогласно. Затѣмъ на сходку былъ приглашенъ директоръ училища, и ему было предложено передать министерству народнаго просвѣщенія слѣдующую резолюцію студентовъ: Мы, студенты техники, протестуемъ противъ временныхъ правилъ и выражаемъ свое презрѣніе; вторично требуемъ возвратить раньше уволенныхъ и 18 арестованныхъ на дняхъ; желаемъ закрытія техническаго училища. Затѣмъ по окончаніи сходки, студенты при пѣніи Вѣчной памяти сожгли кипу временныхъ правилъ. Въ московскомъ университетѣ сходка назначена была на 9-ое февраля. Исполнительный комитетъ объединенныхъ землячествъ и организацій объявилъ, что сходка будетъ чисто политическая. Это не понравилось полиціи, которая арестовала

значительное количество студентовъ, какъ равно представителей интеллигенціи и рабочихъ. Студентовъ хватали прямо на улицахъ. Тѣмъ не менѣе между 10 и 11 час. утра (позже этого часа въ университетъ никого не впускали) въ университетъ собралось на объявленную сходку человѣкъ 900 студентовъ и около 70 женщинъ. Изъ числа студентовъ часть явилась на сходку лишь съ требованіями академическаго характера. Главный контингентъ студентовъ желалъ обсужденія вопросовъ обще политическаго характера. Кое-кто пришелъ и безъ какихъ либо опредѣленныхъ требованій, пришелъ потому, что не могъ оставаться дома, когда товарищи шли на крупный рискъ. Полиція, конечно, собралась въ крупномъ количествѣ и сначала мирнымъ путемъ предложила студентамъ разойтись. Когда полиція узнала вслѣдъ за тѣмъ, что у части собравшихся намѣчены академическія требованія, у другой же части требованія обще-государственнаго характера, представитель полиціи предложилъ первымъ выдѣлиться и уйти, обѣщая имъ полную неприкосновенность. Дѣйствительно около 160 человѣкъ студентовъ вышли. Часть ихъ пошла по Никитской улицѣ, и этимъ дана была возможность свободно разойтись. Другая группа, человѣкъ въ шестьдесятъ, пошла по Моховой улицѣ. Полицейскіе, не знавшіе о гарантированной этимъ студентамъ свободѣ, арестовали всю эту группу, но отпущена она была лишь черезъ сутки. Всѣ остальные студенты не уходили изъ университета: была суббота, и они ждали, что послѣ двухъ часовъ придутъ на подмогу рабочіе. Наконецъ пред-

ставитель полиціи потерялъ терпѣніе и, установивъ немного тишину, объявилъ во всеуслышаніе, что если студенты не разойдутся, то ровно въ 5 часовъ ректоръ университета перестанетъ быть хозяиномъ его. Но студенты не расходились. Опасаясь исполненія только что приведенной угрозы, студенты перестали расхаживать по всему зданію, собрались въ актовомъ залѣ и забаррикадировались. Часовъ въ девять студентовъ лишили огня, а ночью въ университетъ были тайкомъ введены войска. Солдаты выломали дверь и съ шашками наголо ворвались въ актовый залъ. Свалка продолжалась не долго. Когда воздухъ наполнился криками раненныхъ, студенты побросали имѣвшееся у нихъ оружіе и сдались. Ихъ всѣхъ оцѣпили и общей толпой погнали въ обходъ по глухимъ улицамъ въ Бутырскую тюрьму. Предъ нами лежитъ письмо одной курсистки, написанное изъ этой тюрьмы. Она пишетъ: 9-го февраля была сходка въ университетѣ, но не исключительно студенческая, а всей учащейся молодежи. Сходка была политическая. Были выставлены и соотвѣтствующія требованія, какъ то: свобода личности, слова, собраній, печати и пр. Послѣ сходки хотѣли демонстративно выйти на улицу; надѣялись на поддержку общества, а главное на рабочихъ: была суббота. Въ университетъ мы вошли безпрепятственно, но затѣмъ всѣ центральныя улицы были оцѣплены войсками. Прорвать ихъ собственными силами мы не могли и поэтому рѣшили дождаться слѣдующаго дня, надѣясь на то, что рабочіе прорвутъ цѣпь войска (фабрики были тоже оцѣплены) и придутъ къ намъ на

помощь. Итакъ мы рѣшили остаться въ университетѣ. Мы пробыли тамъ весь день и часть ночи. Насъ было 517 чел.; другая половина вышла изъ университета и была забрана въ манежъ. Курсистокъ осталось 73 чел. Въ три часа въ университетъ явились вооруженные солдаты, казаки съ нагайками, пожарные съ факелами. Угрожая при сопротивленія съ нашей стороны пустить въ ходъ пики, насъ вывели изъ университета и отвели въ манежъ. Мы шли съ пѣніемъ Марсельезы; въ манежѣ насъ раздѣлили на группы, окружили войсками и отвели въ Бутырки. Тамъ было еще 13 курсистокъ, взятыхъ случайно, всего насъ 86 чел. Сидимъ вмѣстѣ въ одной комнатѣ. Пользуемся, какъ это ни странно, относительной свободой собраній и печати. Издаемъ свой журналъ, у студентовъ тоже два или три журнала. Каждый день ходимъ гулять во дворъ, гдѣ поемъ революціонныя пѣсни. Всѣхъ учащихся сидѣло здѣсь до 1000 чел.; 200 чел. перевели въ различные участки. Это были случайно попавшіеся, которые и будутъ отсиживать свои три мѣсяца по положенію объ усиленной охранѣ. Относительно участи остальныхъ ходятъ разнорѣчивые слухи. Говорятъ, что на три, пять лѣтъ въ сѣверныя губерніи, то въ западную Сибирь, а то такъ даже и въ Восточную. При этомъ насъ будутъ дѣлить на группы, нѣкоторые пострадаютъ, вѣроятно, больше.

Само собою разумѣется, вся Москва стояла подъ впечатлѣніемъ событій 9-го февраля. О томъ, что на этотъ день назначена большая политическая сходка, полиціи было извѣстно уже за десять дней, и за это

время происходили усиленные аресты. Было арестовано около 1000 чел., изъ нихъ много юристовъ, врачей и полсотни рабочихъ. Извѣстныя правила относительно усиленной охраны примѣнялись настолько энергичнымъ образомъ, что даже къ одиноко стоявшимъ на улицѣ лицамъ предъявлялось требованіе разойтись. Малѣйшее слово противорѣчія или протеста, и слѣдовалъ арестъ. Такъ напр. первый комитетъ студентовъ былъ своевременно арестованъ. Любопытно, что слухъ объ этомъ арестѣ ходилъ уже давно. Онъ былъ распущенъ полиціей, надѣявшейся этимъ путемъ повести къ дезорганизаціи студентовъ. Комитетъ счелъ болѣе удобнымъ для своей дѣятельности не опровергать этого слуха, пока не былъ дѣйствительно захваченъ Уже наканунѣ сходки и въ день ея у дома полицмейстера Трепова и генералъ-губернатора Сергѣя Александровича были поставлены войска. 9-го февраля на Тверской и Никитской стояли конные жандармы, а 10-го городъ имѣлъ уже обычный видъ. На улицахъ обращала на себя вниманіе только лишь масса новенькихъ студенческихъ мундировъ. Это были обмундированы шпіоны и сыщики, съ одной стороны въ цѣляхъ успокоенія публики, а съ другой стороны для того, чтобы удобнѣе вмѣшиваться въ толпу настоящихъ студентовъ. Аресты и обыски продолжались, конечно, изо дня въ день, изъ ночи въ ночь, полицейскіе и жандармы обрушивались съ особой силой на евреевъ и грузинъ. Когда къ одному студенту явились съ обыскомъ, онъ застрѣлился. Жандармы взяли трупъ и не хотѣли сказать роднымъ покойнаго, гдѣ онъ. Слухъ о смерти

одного студента съ быстротой молніи распространился по всей Москвѣ. Называли даже имя, нѣсколько перевранное. Полиція воспользовалась этимъ, чтобы заявить оффиціально, что студента съ подобной фамиліей въ спискахъ университета не числилось. Но спустя два дня полиція была вынуждена сообщить лаконически газетамъ, что застрѣлился студентъ такой-то.

Что касается положенія арестованныхъ въ тюрьмѣ, то ни ихъ не выпускали на свободу, ни имъ не объявляли, какая участь ихъ ожидаетъ. Въ первые дни имъ передавали лишь письма и обѣщали передавать также и деньги съ ближайшей пятницы. Всего арестованныхъ въ Бутырской тюрьмѣ насчитывалось человѣкъ 800. Какъ мы уже знаемъ, они посажены были всѣ вмѣстѣ. Можно было себѣ представить, что за атмосфера царила въ этомъ помѣщеніи. Спать приходилось вповалку на полу, на соломѣ. Студенты просили, чтобы раскрыта была дверь въ корридоръ. Когда имъ въ этомъ отказали, они силой выломили дверь. Въ первыя 1½ недѣли къ студентамъ никого не допускали, а затѣмъ стали допускать всѣхъ желавшихъ ихъ видѣть безпрепятственно, три раза въ недѣлю. Къ характеристикѣ московскаго полицмейстера Трепова интересно прибавить, что добиться разрѣшенія на свиданіе съ арестованными было у него чрезвычайно трудно и объ этомъ приходилось просить другихъ начальствующихъ лицъ. Слѣдствіе велось раньше всего полицейскими чинами на основаніи положенія объ усиленной охранѣ. Поэтому, когда изъ жандармскаго управленія сдѣланы были попытки притянуть арестован-

ныхъ къ особому допросу, студенты заявили, что они уже рѣшительно все сказали и больше не будутъ отвѣчать рѣшительно ни на какіе вопросы. Это подѣйствовало: со стороны жандармеріи студентовъ перестали тревожить. Но съ разныхъ другихъ сторонъ на нихъ посыпались, словно изъ рога изобилія, различныя наказанія. Принципъ, въ силу котораго за одно преступленіе или за одинъ проступокъ не полагается больше одного наказанія, былъ совершенно не то что забытъ, а прямо таки своевольно похеренъ. Раньше всего въ приказѣ московскаго оберъ-полицмейстера было напечатано: Нижеслѣдующія лица, задержанныя 9-го сего февраля за нарушеніе обязательнаго постановленія его императорскаго высочества московскаго генералъ-губернатора, объявленнаго въ вѣдомостяхъ московской городской полиціи 17-го марта 1901 г. за № 73, и дополненія таковаго отъ 23-го января 1902 г., подвергаются аресту при полиціи, считая срокъ такового съ 9-го сего февраля: на три мѣсяца, на два мѣсяца, на одинъ мѣсяцъ, на 14 дней и на 7 дней, всего около 250 студентовъ. Очевидно, продолжали хватать студентовъ и не студентовъ и на слѣдующій день, 10-го февраля, такъ какъ приказомъ, текстъ котораго вполнѣ схожъ съ приведеннымъ, арестовано на три мѣсяца и на одинъ мѣсяцъ еще около 50 лицъ. Нечего и добавлять, что громадное большинство присужденныхъ къ отсидкѣ студенты московскаго университета. Вторая постигшая ихъ кара — полное ихъ исключеніе изъ университета. Мы воспроизводимъ здѣсь соотвѣтствующій приказъ министра народнаго просвѣщенія цѣликомъ, такъ какъ съ одной

стороны любопытно познакомиться съ оффиціальнымъ изложеніемъ событій въ университетѣ, а съ другой стороны это необходимо намъ для пониманія дальнѣйшаго.

Приказъ министра народнаго просвѣщенія. (14-го февраля 1902 г., № 1.): 9-го текущаго февраля, около 12½ час. утра, во дворѣ передъ актовымъ заломъ Императорскаго московскаго университета стали собираться небольшими группами студенты сего университета, среди коихъ были женщины и слушатели другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Считая неудобнымъ оставлять студентовъ во дворѣ, ректоръ университета разрѣшилъ имъ перейти въ актовый залъ и оттуда расходиться по домамъ; но, вмѣсто исполненія сего, толпа, численностью превышавшая 400 человѣкъ, проникла изъ зала въ другія университетскія помѣщенія, причемъ ею были взломаны наружныя двери подъ аркою стараго зданія и семь дверей актоваго зала и аудиторій. Затѣмъ часть толпы поднялась въ третій этажъ, гдѣ взломала входныя двери въ квартиру завѣдующаго юридическимъ семинаріемъ приватъ-доцента Чистякова и, принудивъ послѣдняго удалиться, расположилась и въ этой крартирѣ. Здѣсь ею были уничтожены всѣ съѣстные припасы, взломанъ шкапъ съ чайною посудою, поломаны, попорчены и уничтожены многія вещи, составлявшія собственность Чистякова. Все это время толпа вела себя шумно, пѣла хоровыя пѣсни, а изъ нѣсколькихъ оконъ, выходящихъ на Никитскую улицу, были выкинуты красные флаги.

Несмотря на неоднократныя предложенія учебнаго начальства немедленно оставить помѣщеніе университета,

толпа, за исключеніемъ немногихъ, подчинившихся этому распоряженію, не расходилась, заявивъ, что останется тутъ ночевать.

Въ виду полной невозможности водворить порядокъ собственными средствами, учебное начальство обратилось къ содѣйствію гражданской власти, по распоряженію которой, около 12 час. ночи, въ зданіе университета были введены полиція и военная команда; засимъ всѣ самовольно проникшіе въ университетъ, безъ особаго съ ихъ стороны сопротивленія, были арестованы и препровождены въ манежъ.

По осмотрѣ очищенныхъ отъ толпы университетскихъ помѣщеній, кромѣ упомянутыхъ выше поврежденій, оказались поломанными: парты въ аудиторіяхъ, столы для практическихъ занятій, стулья, конторки, причемъ хранившіяся въ нихъ бумаги уничтожены. На полу найдены: обмотанная тряпкою гиря, финскіе ножи, длинная палка, выломанные изъ университетской рѣшетки желѣзные прутья, а при обыскѣ у нѣкоторыхъ арестованныхъ отобраны финскіе ножи, кастеты и револьверы; во многихъ мѣстахъ были устроены баррикады.

Все вышеизложенное свидѣтельствуетъ, что принимавшіе участіе въ безчинствахъ студенты считаютъ помѣщенія университета предназначенными не для мирныхъ учебныхъ занятій, а для противозаконныхъ сборищъ, и позволяютъ себѣ поступки, свойственные не приличнымъ, воспитаннымъ молодымъ людямъ, а буйной разнузданной толпѣ, забывающей всякое уваженіе къ порядку и къ чужой собственности; а посему я нахожу, что

такимъ молодымъ людямъ не можетъ быть мѣста въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вслѣдствіе сего предлагаю попечителю московскаго учебнаго округа поручить правленію Императорскаго университета независимо отъ взысканій, коимъ виновные могутъ быть подвергнуты по общимъ узаконеніямъ, немедленно исключить изъ числа студентовъ онаго всѣхъ тѣхъ, кои были арестованы въ ночь на 10-е февраля въ зданіи университета, примѣнивъ эту мѣру и къ слушателямъ другихъ подвѣдомственныхъ мнѣ учебныхъ заведеній, арестованнымъ совмѣстно со студентами университета.

Министръ народнаго просвѣщенія,
генералъ-адъютантъ Ванновскій".

Помимо исключенія всѣхъ студентовъ изъ университета правительствомъ было рѣшено наказать всѣхъ участниковъ сходки московскихъ студентовъ еще и административнымъ порядкомъ. Образована была особая коммиссія, въ составъ которой вошли министръ Ванновскій, министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ, министръ юстиціи Муравьевъ и др. Голоса раздѣлились: Ванновскій настаивалъ на высылкѣ въ восточную и среднюю Сибирь срокомъ отъ 2—4 лѣтъ; остальные предлагали въ восточную и среднюю Сибирь срокомъ отъ 2—8 лѣтъ. Между тѣмъ цитированный только что приказъ министра Ванновскаго надѣлалъ тревоги среди профессоровъ московскаго университета, такъ какъ министру сдѣлано было, очевидно, слишкомъ тенденціозное донесеніе. Такъ, напримѣръ, разгромъ квартиры приватъ-доцента Чистякова не имѣлъ

мѣста, какъ и не было ломки дверей въ актовомъ залѣ и другихъ помѣщеніяхъ, занятыхъ студентами. Совѣтъ университета порѣшилъ немедленно командировать профессора князя Трубецкаго къ министрамъ Ванновскому и Сипягину для должнаго разъясненія. Князь Трубецкой немедленно отправился въ Петербургъ и сдѣлалъ свой докладъ въ коммиссіи министровъ. Сипягинъ, какъ разсказывалъ одинъ изъ профессоровъ московскаго университета, замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ участь осуждаемыхъ студентовъ придется смягчить. Мы познакомимся въ заключеніе съ той окраской, которая была придана московскимъ событіямъ названной коммиссіей. Правительственное сообщеніе гласитъ:

„Происходившія въ посдѣдніе годы волненія среди нѣкоторой части молодежи высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи приняли въ концѣ минувшаго 1901 г. явно противоправительственный характеръ. Не ограничиваясь, какъ раньше, предъявленіемъ различныхъ требованій измѣненія академическаго строя, руководители студенческаго движенія, какъ въ рѣчахъ на недозволенныхъ сходкахъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, такъ и въ многочисленныхъ подпольныхъ воззваніяхъ и прокламаціяхъ, пытались увлечь учащуюся молодежъ на путь политическаго движенія, открыто заявляя о необходимости измѣненія формъ существующаго образа правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая безсиліе учащейся молодежи для непосредственнаго осуществленія такихъ стремленій, руководители этого движенія, въ тѣсномъ общеніи съ существующими революціонными группами и кружками,

вели въ томъ же духѣ преступную пропаганду среди общества и рабочихъ большихъ городовъ, какъ устнымъ путемъ, такъ и распространеніемъ преступныхъ изданій. Однимъ изъ ближайшихъ способовъ заявленія своихъ стремленій агитаторы признавали устройство уличныхъ демонстрацій, къ чему и были сдѣланы попытки въ разныхъ городахъ.

Для устройства подобной же уличной демонстраціи въ Москвѣ было избрано 9-ое февраля с. г. По распоряженію мѣстной власти, получившей объ этомъ свѣдѣнія, были арестованы до указаннаго дня въ числѣ 47 лицъ наиболѣе дѣятельные подстрекатели устройства предположенной демонстраціи и возможные ея руководители, выработавшіе между прочимъ и подробную ея программу на одной изъ тайныхъ сходокъ. Мѣра эта, оказавшая несомнѣнно вліяніе на интенсивность послѣдовавшихъ безпорядковъ для полнаго ихъ предупрежденія оказалась однако недостаточною, такъ какъ 9-го февраля въ московскомъ университетѣ, избранномъ исходной точкой для предполагавшейся демонстраціи, произошли событія, изложенныя въ приказѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го февраля 1902 г. за № 1".

Изъ того же правительственнаго сообщенія мы узнаемъ, что исполнительный комитетъ студентовъ московскаго техническаго училища выпустилъ 15-го февраля воззваніе съ приглашеніемъ ко всѣмъ желающимъ выразить протестъ — явиться 17-го января къ двумъ часамъ дня къ памятнику Пушкина для устройства уличной демонстраціи. Дѣйствительно, въ назначенный день и

въ указанное мѣсто собралось нѣсколько десятковъ человѣкъ, но при первой же ихъ попыткѣ двинуться демонстративно по бульвару къ Никитскимъ воротамъ они тотчасъ же были оцѣплены полиціей, которая, превосходя группу демонстрантовъ minimum въ 10 разъ, задержала 11 чел. и флагъ съ неизвѣстной, надписью для каковой правительственное сообщеніе нашло лишь характеристику: преступная.

„При разсмотрѣніи вопроса, говорится далѣе въ правительственномъ сообщеніи: о виновности лицъ, участвовавшихъ въ этихъ безпорядкахъ, приняты были во вниманіе какъ характеръ изложенныхъ событій, такъ и необходимость для предупрежденія дальнѣйшаго вліянія главныхъ виновныхъ на окружающую среду поставить ихъ въ условія, наименѣе благопріятныя для дальнѣйшаго проявленія революціонной дѣятельности, и въ сихъ видахъ, всѣ виновные были предположены къ водворенію подъ надзоръ полиціи въ разныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи на болѣе или менѣе продолжительные сроки. По доведеніи этого предположенія до Высочайшаго свѣдѣнія, Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть сохранить мѣру высылки въ предѣлы иркутскаго генералъ-губернаторства лишь въ отношеніи главныхъ виновныхъ; прочихъ же участниковъ подвергнуть тюремному заключенію на сроки отъ трехъ до шести мѣсяцевъ.

„Въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ утверждены 7-го сего марта журналы особаго совѣщанія, образованнаго на основаніи 34 ст.

положенія о государственной охранѣ, разсматривавшаго дѣло о 682 участникахъ безпорядковъ въ Москвѣ 9-го и 17-го февраля, причемъ лица, изобличениыя въ политической неблагонадежности, подготовленіи демонстрацій и сознательномъ участіи въ оныхъ, въ числѣ 95 лицъ, высылаются подъ надзоръ полиціи въ предѣлы иркутскаго генералъ-губернаторства на сроки отъ двухъ до пяти лѣтъ; 567 лицъ подвергаются тюремному заключенію на сроки отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, и 6 лицъ подчиняются надзору полиціи на одинъ годъ въ мѣстѣ жительства родителей или родственниковъ; въ отношеніи 14 лицъ дѣло прекращено.

„По учебнымъ заведеніямъ лица эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: студентовъ московскаго университета — 537, московскаго техническаго училища — 32, московскаго сельскохозяйственнаго института — 13, московскаго инженернаго училища — 3, студентовъ Лазаревскаго института — 1, студентовъ межевого института — 7, слушательницъ разныхъ курсовъ — 55, разночинцевъ, мужчинъ и женщинъ — 34.

„Главнымъ мѣстомъ отбытія тюремнаго заключенія лицами, подвергнутыми таковому, назначена временная Архангельская тюрьма“.

Такъ русское правительство наложило троякаго рода наказаніе на виновниковъ сходки въ московскомъ университетѣ — вопреки всякимъ человѣческимъ и государственнымъ законамъ. И какъ общее возбужденіе умовъ и возмущеніе молодежи послѣ мартовскихъ событій прошлаго года повело къ выстрѣлу Карповича въ Боголѣпова,

такъ и на этотъ разъ московскія событія закончились покушеніемъ на жизнь московскаго полицмейстера Трепова. Оффиціальное оповѣщеніе соотвѣтствуетъ истинѣ: покушеніе окончилось полнѣйшимъ промахомъ.

Подробности этого покушенія таковы: 17-го марта въ 1 часъ 15 мин. дня, т. е. въ обычный часъ пріема, московскій оберъ-полицмейстеръ генералъ-майоръ Треповъ вышелъ въ свою пріемную, которая помѣщается внизу оберъ-полицмейстерскаго дома, что на Тверскомъ бульварѣ. По разсказамъ лицъ, бывшихъ въ этой пріемной, это низенькая сводчатая комната съ двумя лишь окнами выходящими во дворъ. Одна изъ дверей ведетъ на парадный подъѣздъ, а другая въ длинный корридоръ, который пересѣкаетъ зданіе поперекъ. Когда является много просителей, обыкновенно устраивается такъ, что мужчины составляютъ вторую очередь въ корридорѣ, а дамы-просительницы ожидаютъ въ самой пріемной. Треповъ занимаетъ свое обычное мѣсто у окна, просители выстраиваются шеренгой, словно солдаты, и одинъ за другимъ по очереди подходятъ къ властелину Москвы со своими прошеніями или устными просьбами. Такъ было все и въ этотъ день. Вмѣсто того чтобы обходить, какъ это водится всюду, просителей, Треповъ развалился у окна, а дамы-просительницы выстроены были шеренгой. Съ первой просительницей, очевидно, иностранкой, Треповъ разговаривалъ по французски, какъ вдругъ изъ шеренги выдѣлилась небольшого роста дѣвушка, одѣтая въ черную кофточку и такую же юбку. Она бросилась къ полицмейстеру и, поднявъ небольшой револьверъ, спу-

стила курокъ. Получилась осѣчка. Моментально взвела она снова курокъ, но снова получилась осѣчка. Въ это время ея движенія были замѣчены стоявшимъ около Трепова начальникомъ отдѣленія Василевскимъ. Онъ схватилъ тотчасъ же покушавшуюся за лѣвую руку и взвалился на нее всѣмъ тѣломъ, вслѣдствіе чего револьверъ выпалъ изъ ея правой руки на скамью, стоявшую у окна. Треповъ также схватилъ ее за обѣ руки. Въ пріемной, конечно, произошелъ сильный переполохъ. Съ нѣкоторыми дамами сдѣлалось дурно, а другія начали истерически кричать. Просители-мужчины стали напирать изъ корридора въ пріемную. Тогда Треповъ поднялся съ своего мѣста и сталъ громкимъ голосомъ успокаивать публику. Прошу смирно! кричалъ онъ нѣсколько разъ, и такова уже судьба русскаго человѣка: полицмейстерскій грубый окрикъ и успокоилъ публику, и положилъ конецъ ея любопытству, и водворилъ порядокъ. Покушавшаяся была немедленно передана съ рукъ на руки полицейскому надзирателю, который отвелъ ее въ другое помѣщеніе подъ предварительный арестъ. Треповъ же въ видахъ успокоенія умовъ, сталъ продолжать разговоръ съ дамой-просительницей, которая была чрезвычайно перепугана происшествіемъ, по французски. Сохраняя внѣшнее, спокойствіе Треповъ продолжалъ пріемъ посѣтителей до конца. На этотъ разъ онъ говорилъ съ каждымъ изъ просителей чрезвычайно коротко, такъ что пріемъ закончился немногимъ позже двухъ часовъ дня. Къ этому времени успѣли уже прибыть въ полицейскій домъ прокуроръ, судебный слѣдователь по особо важнымъ

дѣламъ и другія лица, вызванныя по телефону. На предварительномъ допросѣ выяснилось, что покушавшаяся на жизнь Трепова — домашняя учительница Аллартъ. Она принимала участіе въ студенческой демонстраціи 7-го февраля, была арестована наряду съ прочими и по приказу полицмейстера должна была отсидѣть обычное время подъ арестомъ. Уступая, однако, слезнымъ просьбамъ ея матери, Треповъ распорядился, чтобы Аллартъ была выпущена на свободу. Аллартъ, очевидно, и рѣшила отомстить за себя и всѣхъ арестованныхъ съ нею тому же Трепову. Отнятый у нея револьверъ оказался старымъ и небольшого калибра, но заряженнымъ огнестрѣльными пулями. Двѣ осѣчки одна за другой произошли, очевидно, по той причинѣ, что Аллартъ чрезвычайно волновалась, какъ и вообще не умѣла обращаться съ оружіемъ.

Свѣдѣнія о покушеніи на жизнь Трепова появились на слѣдующій день во всѣхъ газетахъ Москвы; варіанты нѣсколько расходились, но суть повсюду была одна и таже. Ясно было, что замѣтки отчасти исходили изъ полицейскаго источника, отчасти же подверглись суровому контролю цензорской руки. Любопытно, что уже на слѣдующій день, т. е. 19-го марта, ни одна московская газета не принесла ни единой строки о дальнѣйшихъ подробностяхъ покушенія, какъ и вообще не обмолвилась ни единымъ словомъ о немъ. Ясно, что съ надлежащей стороны послѣдовалъ соотвѣтственный строгій циркуляръ. Вотъ почему, когда спустя пару дней произошло второе покушеніе на жизнь Трепова, ни московскія, ни иногородніе газеты не имѣли возможности сообщить читателямъ

о состоявшемся второмъ покушеніи. Само по себѣ оно еще менѣе удачно, нежели первое. Вотъ вкратцѣ дошедшія до насъ подробности. Въ ту же самую пріемную явился какой-то молодой человѣкъ и требовалъ, чтобы его допустили къ оберъ-полицмейстеру Трепову. Одинъ изъ чиновниковъ заявилъ, что Треповъ теперь не принимаетъ, и необходимо явиться нѣсколько позже. Тогда проситель въ сильномъ возбужденіи выхватилъ кинжалъ и направилъ его противъ полицейскаго чиновника. Моментально, однако, онъ былъ обезоруженъ и арестованъ. Какъ ни неудачно было это покушеніе, московская администрація быстро сообразила, что всякій легко пойметъ, что покушеніе было направлено исключительно противъ того же оберъ-полицмейстера Трепова, какъ одного изъ непосредственныхъ виновниковъ тѣхъ репресалій, которыя были примѣнены къ студентамъ и молодежи въ Москвѣ. Это могло оказать чрезвычайно сильное впечатлѣніе на умы, и поэтому приняты были чрезвычайно поспѣшно самыя строгія мѣры, чтобы газеты обошли второе покушеніе на генерала Трепова гробовымъ молчаніемъ. Та же самая, вполнѣ въ Россіи обычная мѣра по отношенію къ печати была принята, когда спустя какихъ нибудь три дня состоялось третье покушеніе на жизнь Трепова. Произошло оно при слѣдующихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Былъ воскресный день. Треповъ въ сопровожденіи одного изъ своихъ полицейскихъ помощниковъ проѣзжалъ по одной изъ многолюдныхъ улицъ Москвы, когда на подножку дрожекъ вскочилъ одинъ изъ исключенныхъ студентовъ и, выхвативъ остро отточенный

кинжалъ, пытался всадить его въ Трепова, но по случайности попалъ въ того полицейскаго чиновника, который сидѣлъ рядомъ съ Треповымъ. Само собой разумѣется, поднялся переполохъ. Раненный былъ увезенъ домой, а покушавшійся на жизнь Трепова, бывшій студентъ, арестованъ. На предварительномъ допросѣ онъ заявилъ, что замыслилъ убійство Трепова исключительно изъ мотивовъ политическаго характера. А такъ какъ домашняя учительница Аллартъ не только не выказала никакого раскаянія, но и заявила не разъ, что ея покушеніе являлось местью политическаго характера, то въ Москвѣ администрація и полиція заключили, что противъ Трепова составленъ настоящій, далеко развѣтвленный заговоръ. Пусть никакого заговора нѣтъ, для полиціи нѣтъ ничего легче сочиненія и созданія таковаго. Пусть опять таки заговора нѣтъ, аресты производились въ Москвѣ послѣ трехъ покушеній на Трепова прямо таки въ массовомъ количествѣ. Паника среди лицъ, власть въ Москвѣ имущихъ, была тѣмъ болѣе велика, что изъ Петербурга каждый разъ приходили извѣстія о томъ или другомъ покушеніи на того или другого изъ высшихъ должностныхъ лицъ. Между прочимъ передавались подробности покушенія на финляндскаго генералъ-губернатора Бобрикова, которое повторялось будто бы три раза подрядъ и одинъ разъ закончилось легкимъ пораненіемъ Бобрикова. Чрезвычайно любопытна тактика, примѣненная на этотъ разъ русскимъ правительствомъ. Уже нечего и говорить, что газетамъ воспрещено было, какъ всегда, вымолвить хоть бы словечко обо всѣхъ этихъ покушеніяхъ, а теле-

граммы иностранныхъ корреспондентовъ подвергались цензурѣ и не передавались по назначенію. Нѣтъ, кромѣ того, даже лицъ оффиціальныхъ перестали оповѣщать о состоявшихся покушеніяхъ, дабы самый фактъ и подробности его возможно меньше передавались изъ устъ въ уста. Наконецъ, придумали еще и такую мѣру: Россійскому телеграфному агентству приказали передать по телеграфу всѣмъ русскимъ газетамъ и заграничной прессѣ, будто во всѣхъ сообщеніяхъ иностранныхъ газетъ о третьемъ покушеніи на жизнь Трепова, о развѣтвленномъ заговорѣ, о господствѣ въ Россіи террора и о трехъ покушеніяхъ на жизнь Бобрикова нѣтъ ни слова правды. Все это будто бы сочинено отъ начала до конца и является фантазіей корреспондентовъ, которые вообще въ послѣднее время отличаются тенденціознымъ перевираніемъ и измышленіемъ фактовъ. Публикуя эту ноту русское правительство упустило изъ вниманія слѣдующее. Раньше всего отрицаніе третьяго покушенія на жизнь Трепова косвенно подтверждаетъ, что второе покушеніе дѣйствительно имѣло мѣсто. Затѣмъ, обычное замалчиваніе правды, практикующееся русскимъ правительствомъ, какъ и нынѣшнее возбужденное состояніе русскаго общества ведутъ логически къ тому, что въ правдивость отрицанія абсолютно никто въ Россіи не повѣрилъ и не повѣритъ. Тѣмъ, кто обо всемъ этомъ не слышитъ ничего, правительственное сообщеніе отрицательнаго характера скажетъ лишь, что что-то такое произошло. Тѣхъ же, кто уже слышалъ объ имѣвшихъ мѣсто покушеніяхъ, правительственное сообщеніе только лишь

укрѣпитъ въ ихъ вѣрѣ въ дѣйствительность происшедшаго. Такъ сама себя раба бьетъ, коли нечисто жнетъ.

Свѣдѣнія, доходившія въ публику изъ тюрьмы, гдѣ сидѣли все время, какъ мы видѣли выше, арестованные московскіе студенты, были сначала довольно успокоительнаго характера. Заключенные сидѣли всѣ вмѣстѣ въ общихъ камерахъ, пользовались правомъ общихъ прогулокъ, получали сносную пищу. Имъ разрѣшались какъ свиданія съ родными и знакомыми, такъ и переписка, чтенія и т. п. тюремныя вольности. Единственнымъ лишеніемъ была, кромѣ отсутствія свободы и несправедливости тройнаго наказанія, отмѣченнаго нами выше, тѣснота помѣщеній. Когда послѣдовало правительственное распоряженіе о переводѣ арестованныхъ для отбытія наказанія въ Архангельскую тюрьму, немедленно началась перевозка студентовъ партіями въ далекій Архангельскъ, т. е. возможно подальше отъ взоровъ и контроля русскаго общественнаго мнѣнія. Подробностей этого транспорта, какъ и размѣщенія студентовъ въ архангельской тюрьмѣ мы еще не имѣемъ. И единственное, что мы можемъ отмѣтить, это сообщеніе издающейся въ Ярославлѣ газеты Сѣверный Край, что въ Архангельскъ уже начали прибывать первыя группы арестованныхъ. Въ Москвѣ арестованные для той же цѣли были переведены въ т. н. пересыльную тюрьму. Въ недалекомъ будущемъ повѣствованіе о томъ, какъ провели заключенные студенты всѣ вмѣстѣ эти нѣсколько недѣль въ двухъ московскихъ тюрьмахъ, представитъ одну изъ интереснѣйшихъ книгъ нашего времени. Пока же мы должны

ограничиться лишь немногими дошедшими извѣстіями. Студенты, очевидно, противились отправкѣ ихъ въ Архангельскъ или же были недовольны примѣненнымъ къ нимъ режимомъ, если они рѣшились на такую отчаянную мѣру, какъ поджогъ тюрьмы. И не только это рѣшеніе было дѣйствительно выполнено, но когда явились пожарные, студенты не давали имъ возможности приступить къ тушенію пожара. Но безпорядокъ былъ подавленъ вооруженной силой, и къ студентамъ было примѣнено самое дикое изъ тюремныхъ постановленій: ихъ подвергали сѣченію розгами. Вѣсть объ этомъ наказаніи быстро распространилась по всей Москвѣ и вызвала чрезвычайное возбужденіе, но увы, русскій народъ слишкомъ еще мало развитъ политически! Свыше ста десяти лѣтъ назадъ населеніе Парижа было настолько уже политически зрѣло, что разгромило Бастилію. Милліонное населеніе Москвы и пальцемъ о палецъ не ударило, чтобы разгромить московскую пересыльную тюрьму и освободить нѣсколько сотъ студентовъ, виновныхъ лишь въ томъ, что они выступили за права того же населенія и всего подавленнаго и угнетеннаго русскаго народа. И мало этого индефферентизма къ гнусному издѣвательству надъ правосудіемъ, къ гнусной жестокости по отношенію къ русской молодежи, часть московскаго населенія, принадлежащая даже къ болѣе или менѣе интеллигентному классу, возлагаетъ еще какую то надежду на . . . русскаго царя. Такъ, напр., къ американскому консулу поступила петиція, подписанная матерями и сестрами арестованныхъ студентовъ. Въ этой петиціи онѣ энергично протестуютъ

противъ тѣхъ жестокостей, которымъ подверглись студенты. Царь, говорится дальше въ петиціи, очевидно, не знаетъ объ этихъ ужасныхъ фактахъ, ибо иначе онъ, при всѣмъ извѣстной своей добротѣ сердечной, распорядился бы о прекращеніи этихъ жестокостей и несправедливостей. Лица, подписавшія эту петицію, умоляютъ консула, какъ представителя свободной и просвѣщенной американской націи, сдѣлать непосредственное сообщеніе царю о томъ, какія жестокости выполняются въ Москвѣ отъ его имени. Студенты указываютъ, что всѣ до сихъ поръ наложенныя на нихъ наказанія послѣдовали административнымъ путемъ, т. е. безъ допроса и только лишь на основаніи слѣдствія съ явной тенденціей политическаго характера. Они требуютъ, чтобы всѣ ихъ проступки разбирались дѣйствительно публичнымъ судомъ и они рѣшили не принимать пищи до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ это обѣщано.

Наивныя московскія дамы и дѣвушки! Онѣ и не подозрѣваютъ, что американскій консулъ, къ которому онѣ обратились въ своемъ отчаяніи, не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ какія внутреннія дѣла Россіи. Неужели онѣ не подозрѣваютъ, что борьба за право и справедливость ведется другими способами и мѣрами? Если бы онѣ это знали, затѣянная въ Москвѣ третья по счету демонстрація у памятника Пушкина не носила бы настолько жалкій характеръ, что полиція арестовала всего лишь какихъ нибудь два десятка лицъ. Разлетится ли ихъ необоснованная и наивная надежда на русскаго царя, когда онѣ прочитаютъ послѣднее правительственное

сообщеніе, явившееся отвѣтомъ на событія въ московской тюрьмѣ?

„Большая часть лицъ, виновныхъ въ подготовленіи безпорядковъ 9-го и 17-го февраля сего года въ Москвѣ и въ участіи оныхъ, подвергнута, по Высочайшему повелѣнію, тюремному заключенію, для отбытія коего была предназначена архангельская временная тюрьма. До отправленія въ Архангельскъ задержанные содержатся въ московской пересыльной тюрьмѣ, и поведеніе ихъ, выражающееся въ буйствѣ, неповиновеніи тюремнымъ правиламъ и нарушеніи дисциплины, приводитъ къ заключенію, что скопленіе такого количества лицъ на продолжительное сравнительно время въ одной тюрьмѣ можетъ имѣть крайне нежелательныя послѣдствія, которыя, въ свою очередь, могутъ привести къ необходимости принятія чрезвычайныхъ мѣръ. Вслѣдствіе сего и въ видахъ огражденія какъ отдѣльныхъ заключенныхъ отъ возможнаго дурного вліянія на нихъ товарищей, такъ и вообще тюремнаго порядка, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы первоначальное предположеніе о сосредоточеніи приговоренныхъ къ тюремному заключенію вышеупомянутыхъ лицъ въ архангельской тюрьмѣ было замѣнено распредѣленіемъ ихъ, для отбытія наказанія, небольшими группами по мѣстамъ заключенія разныхъ городовъ Имперіи“.

Казалось бы, послѣ того какъ всѣ высшія учебныя заведенія обѣихъ столицъ подверглись коренной чисткѣ, послѣ того какъ сотни московскихъ студентовъ развезены были группами по всѣмъ тюрьмамъ обширной Руси матушки,

послѣ того какъ упомянутая выше попытка третьей демонстраціи въ Москвѣ окончилась столь же плачевно, какъ и оповѣщеніе о затѣваемой въ Петербургѣ новой демонстраціи въ день 19-го марта, — казалось бы послѣ всего этого студенческое движеніе 1902 г. можно было считать прекратившимся. По крайней мѣрѣ, въ русскихъ оффиціальныхъ кругахъ пѣли ему отходную, возликовавъ душой. Выстрѣлъ, направленный въ упоръ въ министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина и скосившій его изъ числа живыхъ, показалъ воочію, что движеніе не только не прекратилось, но и принимаетъ размѣры и характеръ террора временъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра II. Чтобы уяснить себѣ подробности, причины и слѣдствія убійства Сипягина намъ необходимо раньше всего остановиться на событіяхъ въ кіевскихъ высшихъ учекныхъ заведеній.

Движеніе въ Кіевѣ началось еще осенью 1901 г. Сходка студентовъ кіевскаго политехническаго института, привлекшая до 900 чел. и прошедшая замѣчательно единодушно, окончилась принятіемъ слѣдующей резолюціи: „Мы, студенты К. П. И. выражаемъ свой протестъ и глубокое негодованіе по поводу: 1) непринятія уволенныхъ товарищей въ высшія учебныя заведенія, 2) нормы для евреевъ вообще и новыхъ ограниченій въ частности, 3) того, что въ коммиссіяхъ министерства по поводу реформъ не былъ допущенъ голосъ студенчества, и заявляемъ, что пока эти мѣропріятія не будутъ отмѣнены, пока не будетъ дана высшимъ учебнымъ заведеніямъ полная автономія и пока не будетъ открытъ доступъ въ

университетъ всѣмъ окончившимъ курсъ средне-учебныхъ заведеній безъ различія пола и національности, мы не можемъ оставаться спокойными и готовы дать подобнымъ начинаніямъ дружный отпоръ". Кромѣ того, сходка выразила порицаніе правленію института и взяла обратно данную ему годомъ раньше благодарность. Но это порицаніе правленію вызвало нѣкоторыя разногласія, и въ студенческихъ кругахъ поговаривали о необходимости созвать новую сходку для пересмотра вопроса объ этомъ порицаніи. Во всякомъ случаѣ, ни на этой сходкѣ, ни на сходкѣ, состоявшейся въ кіевскомъ университетѣ 11-го октября, не было пока еще и рѣчи о забастовкѣ.

Ближайшая крупная сходка студентовъ К. П. И. состоялась 5-го декабря. Резолюція, принятая на этой сходкѣ, гласитъ: „Возмущенные мѣрами, примѣненными правительствомъ къ харьковскимъ ветеринарамъ, мы, студенты К. П. И., большинствомъ 509 голосовъ противъ 133-хъ высказываемъ рѣшительное недовѣріе къ политикѣ правительства въ учебныхъ дѣлахъ и заявляемъ, что твердо настаиваемъ на всѣхъ нашихъ требованіяхъ, выставленныхъ на сходкѣ 24-го октября, а именно: 1) полнаго невмѣшательства административной власти въ студенческія дѣла, 2) свободнаго доступа во всѣ высшія учебныя заведенія всѣмъ окончившимъ среднеучебныя заведенія безъ различія пола и національности, 3) участія студенческаго мнѣнія при обсужденіи проэкта реформы высшихъ учебныхъ заведеній, 4) возвращенія всѣхъ уволенныхъ по студенческому дѣлу товарищей. При этомъ мы объявляемъ, что если къ 20 январю 1902 г.

мы не будемъ имѣть мѣръ, направленныхъ къ проведенію реформъ въ духѣ нашихъ требованій, если къ тому же числу не будутъ возвращены всѣ пострадавшіе по студенческому дѣлу товарищи, въ томъ числѣ и студенты харьковскаго ветеринарнаго института и университета, то съ 20-го января 1902 г. мы начинаемъ забастовку".

И дѣйствительно, сходкой 21-го января приведенное рѣшеніе было вновь подтверждено, какъ и въ тотъ же день началась въ К. П. И. забастовка. Шла она довольно спокойно: студенты отсутствовали въ аудиторіяхъ, и профессора не могли же читать передъ пустыми скамьями. Или же студенты собирались въ аудиторіи и не давали возможности профессорамъ читать. Профессоръ Рекашевъ пробовалъ, было, читать по начертательной геометріи, но лекція его была сорвана. Спустя два дня проф. Коноваловъ началъ читать по химіи, но и ему помѣшали. Послѣ этого не было уже никакихъ лекцій. Студентамъ между тѣмъ начали раздавать печатные листки съ предварительнымъ объявленіемъ слѣдующаго содержанія:

1. Въ случаѣ выяснившейся необходимости пріостановить, въ виду предупрежденія или прекращенія массовыхъ безпорядковъ, учебныя занятія въ К. П. И. Императора Александра II директоръ института можетъ съ разрѣшенія министра финансовъ сдѣлать надлежащее распоряженіе о временномъ закрытіи института. При этомъ утраченное для учебныхъ занятій и экзаменовъ время возмѣщается на счетъ ближайшихъ лѣтнихъ вакацій. Если, однако, пріостановка занятій продлилась бы въ общей сложности до трехъ недѣль, то назначенный

по общимъ правиламъ срокъ окончанія учебнаго года не отодвигается на каникулярный періодъ и экзамены не производятся, а всѣ студенты 2-го и старшихъ курсовъ остаются на слѣдующій академическій годъ на тѣхъ же курсахъ, на которыхъ состояли въ данномъ году. Всѣ же студенты 1-го курса увольняются и принимаются вновь лишь при точномъ соблюденіи общихъ правилъ института о пріемѣ наравнѣ со вновь поступающими. 2. Если вслѣдствіе заявленнаго отдѣльными курсами желанія продолжать учебныя занятія, сіи послѣднія могли бы быть возобновлены для соотвѣтственныхъ студентовъ ранѣе полнаго открытія института, то правила, изложенныя въ предыдущемъ параграфѣ, на вернувшихся добровольно къ занятіямъ не распространяются, и студенты подлежащихъ курсовъ того или другого отдѣленія по выслушаніи всего положеннаго для нихъ программами допускаются съ разрѣшенія начальства института къ переводнымъ и выпускнымъ испытаніямъ". Подъ впечтлѣніемъ этого предварительнаго объявленія совѣтъ старостъ назначилъ новую общестуденческую сходку на 28 января, хотя директоръ института заявилъ, что съ появленіемъ извѣстныхъ временныхъ правилъ онъ не можетъ больше допустить въ институтѣ общихъ сходокъ. Наоборотъ, въ виду именно этихъ временныхъ правилъ необходима совершенно иная организація студенчества.

Въ кіевскомъ университетѣ ректоръ пригласилъ студентовъ на сходки по курсамъ для выбора на основаніи опубликованныхъ временныхъ правилъ курсовыхъ старостъ. Ректоръ обращалъ вниманіе студентовъ, что на

сходкахъ имѣютъ право присутствовать профессора, спеціально выбранные для введенія новыхъ правилъ въ жизнь. Раньше другихъ собрались медики V-го курса на предварительную сходку для выясненія отношенія курса къ новымъ правиламъ и къ приглашенію ректора. И что-же? Временныя правила были отвергнуты единогласно. Въ принятой резолюціи говорилось, что при данномъ положеніи вещей введеніе правилъ повело бы къ надзору за студентами со стороны инспекціи и общей администраціи и что только при полной автономіи университета возможна легальная организація студенчества; было также отмѣчено, что правила не даютъ ничего новаго. Рѣшено было на собраніе, созванное ректоромъ, не ходить и извѣстить о принятой резолюціи профессора Морозова, подъ наблюденіемъ котораго сходка созывалась. 24-го января состоялась въ университетѣ общестуденческая сходка для разсмотрѣнія временныхъ правилъ. Вначалѣ было около 700, а къ концу около 400 студентовъ. Съ разрѣшенія студентовъ на сходку явился профессоръ Трубецкой и въ довольно пространной рѣчи выяснилъ отношеніе профессоровъ къ временнымъ правиламъ. Онъ заявилъ, что профессора сами противъ основныхъ пунктовъ временныхъ правилъ, которыми навязываютъ имъ, профессорамъ, роль полицейскихъ надзирателей и что они уже постановили ходотайствовать объ ихъ отмѣнѣ. Онъ просилъ студентовъ согласиться на выборъ старостъ, каковыми могутъ быть утверждены и прежніе старосты. Въ заключеніе онъ указывалъ, что необходимы оффиціальные представители студенчества,

мнѣніе которыхъ о новыхъ правилахъ будетъ принято совѣтомъ профессоровъ во вниманіе при составленіи ходатайства объ измѣненіи временныхъ правилъ. Ораторы студенты указали проф. Трубецкому на то, что роль, навязываемая правилами старостамъ, такого рода, что ни одинъ порядочный человѣкъ не возьметъ ея на себя, что на ходатайство совѣта профессоровъ врядъ ли обратятъ вниманіе и что вообще временныя правила являются насмѣшкой надъ требованіями студентовъ, стоившими имъ столько жертвъ и крови. Затѣмъ, отчасти еще при проф. Трубецкомъ, отчасти же уже въ отсутствіе его говорившіе студенты раскритиковали параграфъ за параграфомъ временныя правила. Въ концѣ концовъ принята была резолюція еще болѣе рѣзкая, нежели сообщенная выше резолюція медиковъ V-го курса. Поднятъ былъ вопросъ о полной забастовкѣ въ университетѣ. Баллотировали по отдѣльнымъ курсамъ, и человѣкъ 600 высказались за забастовку, а человѣкъ 700 противъ нея. Тогда рѣшено было созвать двѣ особыя большія сходки: тѣхъ, кто за забастовку, и тѣхъ, кто противъ нея. Произвели подсчетъ въ обѣихъ аудиторіяхъ, и оказалось теперь, что за забастовку около 800 чел., а противъ забастовки человѣкъ 400. Въ политехникумѣ также состоялась упомянутая выше сходка 28-го января, безъ разрѣшенія начальства. Собралось свыше 500 студентовъ. Рѣшеніе продолжать объявленную уже забастовку принято было большинствомъ 380 противъ 160 голосовъ.

Между тѣмъ на 2-ое февраля въ Кіевѣ назначена была уличная демонстрація. Условились собраться на

Крещатикѣ около зданія думы въ 12 часовъ дня. Участниковъ демонстраціи, въ общемъ, было рабочихъ до 1000 чел. и студентовъ до 300, главнымъ образомъ, универсантовъ. Технологи принимали участіе въ очень ограниченномъ количествѣ, хотя въ толпѣ постороннихъ зрителей ихъ было человѣкъ 700. Въ общемъ же публики было на Крещатикѣ тысячъ до тридцати. Улицы были прямо таки черны отъ публики, двигавшейся вполнѣ безшумно, но чувствовалось, что эта тишина зловѣщая. Настроеніе было въ высшей степени напряженное, чему не мало способствовало присутствіе солдатъ, полицейскихъ и казаковъ, разставленныхъ вблизи думы. Демонстранты прибѣгли къ хитрости: они и собрались у выхода съ Прорѣзной улицы на Крещатикъ, и начали на полчаса позже. Сдѣлали такъ, что рабочіе вышли на средину улицы, сбившись предварительно въ кучу вокругъ якобы упавшаго человѣка. Сдѣлавъ же это, они подняли большое красное знамя, продержавшееся въ общемъ минутъ десять. Тотчасъ же на эту группу рабочихъ налетѣли полицейскіе: пѣшіе и конные, околодочные и пристава. Группа рабочихъ со знаменемъ была оцѣплена со всѣхъ сторонъ, и изъ-за обладанія имъ началась рукопашная. Въ это время съ другого конца улицы (т. н. Бесарабки, конецъ Крещатика, противоположный думѣ) къ Прорѣзной улицѣ подоспѣло человѣкъ 300 рабочихъ, предварительно разбивши и смявши шпалеръ полицейскихъ. Съ одной стороны въ схваткѣ не жалѣли плетокъ и ноженъ, но съ другой стороны пустили въ ходъ палки и кулаки. Какой-то конный полицейскій, наконецъ, отвоевалъ знамя

и началъ съ нимъ метаться изъ стороны въ сторону, не зная какъ и куда выбраться. Наконецъ, онъ вылетѣлъ изъ толпы и при общемъ хохотѣ публики увезъ трофей къ начальству. Между тѣмъ другіе полицейскіе выхватили изъ толпы демонстрантовъ знаменщика. Онъ былъ съ разсѣченной лѣвой стороной лица и весь залитъ кровью. Задержавшій его околодочный былъ съ разсѣченнымъ ухомъ. Знаменщика положили на дрожки, и рядомъ съ нимъ усѣлись человѣкъ пять полицейскихъ. Сначала лошадь не беретъ, но потомъ тронулись кое-какъ. Улучивъ минуту, арестованный рабочій ловкимъ движеніемъ стряхнулъ съ себя полицейскихъ, и они вмѣстѣ съ нимъ свалились съ дрожекъ. Бывшіе на полицейскихъ полушубки накрыли ихъ при паденіи, а арестованный тѣмъ временемъ бросился въ толпу; онъ бы и убѣжалъ, если бы его не схватилъ посыльный въ красной шапкѣ. Публика этимъ возмутилась. Какой-то здоровенный молодой человѣкъ подскочилъ къ посыльному и такъ ударилъ его по головѣ, что тотъ упалъ и при паденіи сбилъ съ ногъ пойманнаго. Послѣдній вскакиваетъ и вновь пробивается въ толпу, но его хватаетъ за полу пальто полицейскій. Повернувшись быстро кругомъ, онъ сбрасываетъ съ себя пальто и снова въ толпу, но за нимъ бросается цѣлый сонмъ верховыхъ и пѣшихъ полицейскихъ, которые и излавливаютъ его, чему способствовало, главнымъ образомъ, его окровавленное лицо. Схватка продолжалась въ общемъ 15—20 минутъ, пока отъ думы были двинуты казаки. Послѣдніе дико налетѣли и погнали уже всю толпу по направленію къ

Фундуклеевской улицѣ. Казаки били уже всѣхъ безъ разбору и даже офицеровъ. Но демонстранты собрались теперь вблизи университета, около Фундуклеевской. Казаки налетѣли и сюда, били направо и налѣво и особенно избили одного студента зато, что тотъ билъ палкой лошадь казака. Когда разогнали толпу, демонстранты собрались около Владимірскаго Собора (онъ тоже неподалеку), гдѣ было выкинуто, какъ раньше у пассажа, нѣсколько небольшихъ знаменъ. Особенно донимали здѣсь казаковъ подростки. Они собирались кучами, кричали ура и кидали въ казаковъ снѣжками. Но только казаки налетятъ, мальчишки въ разныя стороны. Одинъ мальчишка кричалъ прямо въ лицо городовому: ура, долой монархію! Городовой хотѣлъ схватить мальчугана, но тотъ успѣлъ улепетнуть. Когда и у Собора невозможно было демонстрировать, толпа собралась у театра (тоже неподалеку), гдѣ шелъ дневной спектакль. Какъ только примчались казаки, демонстранты хлынули въ театръ. Казаки отошли — демонстранты выбѣжали изъ театра и снова стали кричать ура. Казаки снова налетѣли, и такъ продолжалось это нѣсколько разъ. Позже, часовъ въ пять-шесть, собралось человѣкъ 300 рабочихъ и около 1000 посторонней публики около анатомическаго театра. Здѣсь говорились рѣчи, пѣлись пѣсни и т. д. Этому никто не мѣшалъ, такъ какъ присутствовавшіе приставъ и нѣсколько городовыхъ боялись вступить въ свалку.

Конечно, въ этотъ день произведено было огромное количество арестовъ. Уже наканунѣ, на основаніи разбросанныхъ прокламацій, полиція арестовала многихъ

рабочихъ, выходившихъ изъ фабрикъ послѣ гудка. Въ день демонстраціи взято было очень много рабочихъ и студентовъ. Говорили объ убитыхъ, но демонстранты почти всѣ уцѣлѣли. На одного студента политехника набросилось человѣкъ десять полицейскихъ. Околодочный рукояткой шашки сбилъ его съ ногъ, послѣ чего лежачаго еще били общими силами. Но избитаго удалось отбить, хотя и безъ признаковъ жизни, и демонстранты, поднявъ его на руки, понесли по улицѣ, чему полиція не препятствовала. Его занесли въ аптеку Филиповича, гдѣ его и привели въ чувство. Изъ числа полицейскихъ одного пристава отправили въ больницу, а другого, помощника пристава, сильно изранили.

На другой день, 3-го февраля, ряды демонстрантовъ порѣдѣли, а ряды полиціи и войска удвоились. Начало никакъ не удавалось, пока въ 4 часа начали демонстрацію и тянули ее часовъ до 8 вечера. Въ этотъ день было арестовано много студентовъ, рабочихъ и женщинъ, многихъ по одиночкѣ. Человѣкъ 15 политехниковъ записали, а троихъ сильно избили. Въ общемъ, били всѣхъ нагайками и даже шашками больше и сильнѣе, нежели наканунѣ. И все же въ этотъ день распространена была масса прокламацій, коими публика приглашалась на новую демонстрацію 8-го февраля, въ каковой день, полагали, будутъ демонстраціи въ Петербургѣ и Москвѣ. Но эта новая демонстрація не состоялась. Въ одномъ бюллетенѣ подведены слѣдующіе итоги демонстраціи 2-го и 3-го февраля. Убитъ околодочный надзиратель 3-го участка. Убитъ приставъ старо-кіевскаго участка. Тяжело ранены

политехникъ Вольскій изъ Петербурга и Памфиловъ. Сильно избиты одинъ преподаватель гимназіи и военный докторъ. Казаки въѣзжали даже въ подъѣзды домовъ, чтобы бить тѣхъ, кто прятался. Босяки воспользовались замѣшательствомъ и разгромили нѣсколько лавокъ на Подолѣ. По циркулировавшимъ слухамъ администраціей рѣшено было предать часть арестованныхъ военному суду, но до того дня, когда эти строки идутъ въ печать, этотъ послѣдній слухъ не оправдался полностью.

На кіевскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ демонстраціи 2-го и 3-го февраля отразились слѣдующимъ образомъ. Въ университетѣ, какъ мы видѣли выше, было неопредѣленное положеніе, и не удавалось выяснить, существуетъ ли забастовка или нѣтъ. Передъ зданіемъ студенты произвели торжественное аутодафе надъ большой кипой временныхъ правилъ. Когда началась демонстрація, университетъ былъ окруженъ войсками. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ закрытъ на неопредѣленное время. Какъ разъ въ это время въ Кіевъ пріѣзжалъ Зенгеръ, новый товарищъ министра народнаго просвѣщенія. Онъ хотѣлъ созвать общестуденческую сходку, но былъ предупрежденъ, что его освистаютъ и что студенты на уступки не пойдутъ. Конечно, арестамъ и обыскамъ не было числа. Обыскивали сплошь цѣлыя улицы. 78 студентовъ университета были исключены безъ права поступленія обратно, а 75 чел., изъ коихъ большинство опять таки студенты, были высланы въ Архангельскую губернію. Въ кіевскомъ политехническомъ институтѣ занятія также перекратились. Отпуски выдавались до

1-го марта, и многіе студенты разъѣхались. На четвертыхъ курсахъ профессора заявили, что выпуски обязательно будутъ произведены ко времени. Но вскорѣ опубликовано было уже извѣстное распоряженіе министра финансовъ, кеому подчиненъ К. П. И., что институтъ закрытъ на цѣлый годъ. Относительно университета подобнаго распоряженія не послѣдовало и даже напротивъ нѣкоторые курсы обратились съ просьбой открыть для нихъ лекціи. Лекціи возобновились для всѣхъ факультетовъ на IV курсѣ и для всѣхъ медиковъ на V курсѣ. Затѣмъ возобновились лекціи на III курсѣ всѣхъ факультетовъ. На 19-ое февраля назначена была демонстрація, но союзный совѣтъ выпустилъ своевременно контръ-прокламацію. Въ началѣ марта въ университетѣ проводилась съ большимъ успѣхомъ химическая обструкція. 8-го марта передъ зданіемъ университета состоялась маленькая демонстрація. На слѣдующій день университетъ былъ закрытъ. Сейчасъ же была объявлена забастовка 1-мъ и 2-мъ курсами различныхъ факультетовъ, 3-мъ и 4-мъ курсами физико-математическаго факультета и 3-мъ курсомъ медицинскаго факультета. Когда университетъ былъ снова открытъ, человѣкъ 300—400 студентовъ стали ходить на лекціи, представляя изъ себя довольно сильную оппозицію забастовкѣ. Забастовавшіе же рѣшили бороться противъ оппозиціи путемъ обструкціи. Къ 20-му марту было арестовано еще человѣкъ 50 студентовъ, и изо дня въ день къ зданію университета часамъ къ двумъ стягиваются большіе кадры полиціи. . . .

Кто не знаетъ, что кіевскимъ генералъ-губернаторомъ состоитъ генералъ Драгомировъ? Это личность во всякомъ случаѣ недюжинная, хотя и во всѣхъ отношеніяхъ мало симпатичная. Бурбонство и самодурство въ немъ какъ-то странно ужились съ идеальными вспышками и порывами къ честности, добротѣ и справедливости. Въ качествѣ командующаго войсками онъ чрезвычайно строгъ и требователенъ, и все и вся дрожитъ передъ нимъ, какъ осиновый листъ. Онъ требуетъ отъ солдатъ такой умѣлости, ловкости, подвижности и выносливости, что не будь это здоровенные русскіе парни, они падали бы, какъ мухи. Но онъ не только строгъ къ солдатамъ, но и справедливъ. Желѣзной энергіей онъ искоренилъ въ своемъ округѣ всякія несправедливости и злоупотребленія офицеровъ по отношенію къ солдатамъ. Онъ готовъ всегда похвалить солдатъ и поставить офицерамъ публично въ упрекъ ихъ ошибки. Его приказы по округу лаконичны, но высоко интересны, какъ и его статьи по вопросамъ военнаго вѣдомства и солдатскаго быта всегда содержательны и остроумны. Вообще же онъ всяческими экстравагантностями, лаконическими выраженіями и остроумными шутками старается если не играть роль второго Суворова, то окружить себя тѣмъ ореоломъ, какимъ было когда-то и до сихъ поръ окружено имя Суворова. У всѣхъ еще должно быть свѣжо въ памяти, что когда Драгомировъ получилъ два года назадъ изъ Петербурга приказъ двинуть противъ студентовъ войска, онъ повиновался, оцѣпилъ войсками университетъ, но телеграфировалъ въ Петербургъ, что напрасно прождавши, „врага не видалъ“.

Когда опубликованы были пресловутыя временныя правила, коими студенты, исключенные изъ университетовъ, за участіе въ безпорядкахъ отдавались въ солдаты, Драгомировъ поспѣшилъ въ Петербургъ и протестовалъ тамъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ этихъ временныхъ правилъ, указывая императору Николаю на то, что войско не есть какой либо исправительный или тюремный институтъ и что вся русская армія сочтетъ себя оскорбленной, если ее унизятъ до того, что въ солдаты будутъ отдавать, какъ въ наказаніе. Но какъ извѣстно, даже чрезвычайно вліятельное положеніе Драгомирова не могло повести къ тому, чтобы эти временныя правила были отмѣнены. Понадобилось новое студенческое движеніе, охватившее всѣ высшія учебныя заведенія. Понадобились гекатомбы новыхъ жертвъ, понадобился, наконецъ, роковой выстрѣлъ въ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова, чтобы русскій царь „въ великой милости своей къ заблужденіямъ молодежи“ отмѣнилъ эти временныя правила, распорядившись, чтобы всѣ студенты, отданные въ солдаты, были возвращены въ университеты и иныя высшія учебныя заведенія. Но прокламированное съ высоты русскаго престола сердечное попеченіе и назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія стараго генерала Ванновскаго, на котораго всѣ возлагали надежду не столько за его сомнительный либерализмъ, сколько за его справедливость, не могли дать русскимъ университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ столь долгожданнаго и желаннаго для высшихъ круговъ спокойствія. Генералъ Ванновскій понималъ, что ни его

годы, ни характеръ всей его прошлой дѣятельности не способствуютъ тому, чтобы онъ былъ въ состояніи коренным образомъ реформировать русскія высшія учебныя заведенія. Онъ зналъ, что роль его сводится лишь къ тому, чтобы однимъ своимъ пребываніемъ на посту министра народнаго просвѣщенія играть роль умиротворителя. Онъ зналъ и то, что если бы онъ дѣйствительно пожелалъ провести либеральныя реформы, ему не дали бы возможности сдѣлать это; но и оставаться при старыхъ порядкахъ было уже невозможно, послѣ того какъ реформы обѣщаны были въ рескриптѣ царя, послѣ того какъ только обѣщаніемъ ихъ и удалось успокоить русскихъ студентовъ. И вотъ, Ванновскому не оставалось другого исхода, какъ прибѣгнуть къ полумѣрамъ. Его принципомъ поневолѣ стало: одновременная сытость волковъ и цѣлость овецъ. Въ первые шаги и поступки Ванновскаго еще вѣрили, какъ въ предвозвѣстники новой эры. Онъ ѣздилъ въ университеты, заходилъ въ аудиторіи, бесѣдовалъ со студентами, разрѣшалъ имъ сходки и вообще временно легализировалъ созывъ сходокъ и выборъ старостъ. Онъ только не замѣтилъ, что выработанныя имъ временныя правила объ организаціи студенчества являются, какъ мы видѣли уже выше, регрессомъ по отношенію и къ легализированному имъ навремя порядку, и къ существовавшимъ раньше нелегальнымъ организаціямъ. Отъ этихъ то временныхъ правилъ, явившихся какъ бы злой насмѣшкой надъ требованіями русскаго студенчества, стоившими ему тысячъ жертвъ, и начались новыя студенческія волненія 1902 г. Выше мы прослѣдили ихъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ.

Когда въ петербургскіе оффиціальные круги поступили донесенія о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Кіевѣ, даже и тамъ ужаснулись, какъ велика была жестокость расправы казаковъ надъ студентами и прочими демонстрантами. Министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ заявилъ, что не можетъ взять на себя отвѣтственности за великое число раненныхъ и убитыхъ въ Кіевѣ, такъ какъ чрезвычайно энергичное поведеніе Драгомирова стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ его, Сипягина, инструкціей. Когда объ этомъ узналъ Драгомировъ, онъ немедленно поскакалъ въ Петербургъ и явился къ царю съ просьбой объ отставкѣ. Намъ передаютъ изъ очень хорошаго источника, что генералъ Драгомировъ и здѣсь прикинулся полу-дурачкомъ. — Ваше Величество, будто бы сказалъ онъ: я сталъ старъ и глупъ и не въ состояніи больше понимать инструкцій министра внутреннихъ дѣлъ.

Императоръ Николай успокоилъ стараго генерала словами, что отнынѣ онъ безтолковыхъ инструкцій получать не будетъ, и когда спустя день — два Сипягинъ былъ принятъ въ очередной аудіенціи, онъ вышелъ изъ кабинета императора съ такимъ лицомъ, что для всѣхъ стало ясно: отставка. Немедленно во всѣхъ петербургскихъ салонахъ заговорили о паденіи министра внутреннихъ дѣлъ. Находились, однако, пессимисты, хорошо знавшіе Сипягина, какъ человѣка, способнаго ради карьеры пожертвовать всѣмъ, и утверждавшіе, что онъ даже не подастъ въ отставку. Но ихъ предсказаніе не сбылось: Сипягинъ подалъ въ отставку и получилъ ее. Онъ просилъ лишь, чтобы ему дали возможность закончить

нѣсколько начатыхъ имъ небольшихъ преобразованій. Императоръ на это согласился, тѣмъ болѣе что приближался праздникъ Пасхи, когда принято оповѣщать народъ о разныхъ перемѣщеніяхъ и назначеніяхъ на высшихъ государственныхъ постахъ. Эта отставка и была роковой для Сипягина, такъ какъ будь опубликована его отставка, конечно, въ него, какъ въ человѣка политически мертваго, никто и не подумалъ бы стрѣлять. Вотъ достовѣрныя подробности убійства Сипягина.

Назначенъ былъ совѣтъ министровъ, и въ числѣ прочихъ долженъ былъ пріѣхать Сипягинъ. За нѣсколько минутъ до его пріѣзда къ зданію комитета министровъ подкатила элегантная карета, изъ которой вышелъ молодой человѣкъ, одѣтый въ военную адъютантскую форму. Выйдя изъ кареты, онъ сталъ ожидать министра, и когда тотъ пріѣхалъ, подошелъ къ нему со словами, что онъ имѣетъ передать пакетъ отъ московскаго генералъ-губернатора, великаго князя Сергѣя Александровича. Подавая Сипягину запечатанный пакетъ, неизвѣстный молодой человѣкъ выхватилъ револьверъ и нанесъ министру двѣ раны: одну въ область живота, а другую въ шею. Министръ упалъ послѣ первой же пули. Къ нему быстро подбѣжалъ сопровождавшій его выѣздной лакей, и третья пуля попала въ послѣдняго, ранивъ его въ руку и въ плечо. Конечно, поднялась суматоха, и никто не можетъ понять, почему убійца министра не воспользовался ею, чтобы бѣжать: карета, въ которой онъ пріѣхалъ, стояла вѣдь еще у подъѣзда. Кучеръ не зналъ вѣдь, въ чемъ дѣло, и по приказанію офицера погналъ бы

лошадей и быстро, и далеко, такъ что убійца могъ бы благополучно скрыться. Почему онъ этого не сдѣлалъ, почему онъ остался спокойно на мѣстѣ и далъ себя спокойно и хладнокровно въ руки арестовавшимъ его, остается до сихъ поръ загадкой. Да и вообще, загадкой является въ данномъ случаѣ многое. Раньше всего не установлена личность убійцы. На первомъ допросѣ онъ назвалъ себя Балташевымъ и сказалъ, что онъ былъ кіевскимъ студентомъ и исключенъ за участіе въ безпорядкахъ. Позже онъ перемѣнилъ свое показаніе и утверждалъ, что зовутъ его не Балташевымъ, а Малышевымъ и что онъ прослужилъ на основаніи уже отмѣненныхъ временныхъ правилъ цѣлый годъ въ арміи. Спустя пару дней онъ снова измѣнилъ свое показаніе, и по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ цѣлый рядъ его показаній является прямо таки злой насмѣшкой надъ тѣми, кто его допрашиваетъ. На допросахъ онъ ведетъ себя спокойно, хладнокровно, то давая сознательно сбивчивые отвѣты, то наотрѣзъ отказываясь отвѣчать; такъ и не удалось добиться отъ него правды ни относительно его личности, ни относительно того, дѣйствовалъ ли онъ въ одиночку или же принадлежалъ къ какой нибудь группѣ заговорщиковъ. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ то обстоятельство, какъ тонко и осторожно подготовлено было его покушеніе на министра, но съ другой стороны, если бы это былъ заговоръ, Балташеву или Малышеву дана была бы возможность бѣжать, тѣмъ болѣе что карета стояла у подъѣзда къ услугамъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ человѣкомъ весьма сильнаго

характера, можно даже сказать съ однимъ изъ тѣхъ фанатиковъ, которые уже не разъ смѣло и безстрашно жертвовали своею жизнью ради будущаго блага многострадальнаго русскаго народа. Увы, всѣ эти десятки, пошедшіе на висѣлицу, сотни, погибшіе на каторгѣ и на улицахъ Петербурга, тысячи сосланныхъ и десятки тысячъ разбитыхъ жизней не могли сломить господствующаго въ Россіи режима. Принесеніе Малышевымъ въ жертву министра Сипягина и самого себя также дало на первыхъ порахъ результаты, обратные ожидавшимся.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ назначенъ безъ того памятнаго императорскаго рескрипта, коимъ сопровождалось годомъ раньше назначеніе генерала Ванновскаго министромъ народнаго просвѣщенія послѣ убійства Боголѣпова. Отсутствіе этого рескрипта являлось уже само по себѣ плохимъ предзнаменованіемъ. Выборъ, павшій на статсъ-секретаря фонъ-Плеве, также предвѣщаетъ чрезвычайно мало хорошаго. То, что въ русскихъ газетахъ писали о новомъ министрѣ, какъ о человѣкѣ порядка, закона и справедливости, не имѣетъ никакого значенія для всякаго, кто сколько нибудь знакомъ съ положеніемъ русскихъ газетъ. Фонъ-Плеве предшествуетъ довольно дурная слава, какая предшествовала въ свое время и Сипягину. Мы слышали отъ одного чрезвычайнаго высокопоставленнаго лица, что Сипягинъ уже въ бытность начальникомъ особой канцеляріи по пріему прошеній, приносимыхъ на высочайшее имя, проявлялъ себя чрезвычайнымъ реакціонеромъ. Кто обращался къ царю за какой либо милостью, получалъ отказъ, если только

прошеніе проходило черезъ руки Сипягина. Онъ же принималъ всѣ мѣры, чтобы другія высокопоставленныя лица не пользовались своимъ вліяніемъ и связями для того, чтобы добиться у императора для кого нибудь милостей и льготъ безъ его, Сипягина, вѣдома. Недоброе предвѣщаетъ и тотъ моментъ изъ прошлой жизни фонъ-Плеве, когда ему было поручено произвести разслѣдованіе извѣстнаго взрыва 1879 года въ Зимнемъ дворцѣ. Каковъ будетъ его режимъ, покажетъ ближайшее будущее. Ясно одно: реакція еще болѣе усилится, хотя, казалось бы, дальше въ этомъ направленіи идти некуда. Карповича судили обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ и присудили, какъ извѣстно, къ двадцатилѣтней каторгѣ. Оффиціальная Россія вѣдь любитъ хвастаться передъ Западной Европой тѣмъ, что ея уголовные суды не знаютъ смертной казни и что даже за убійство въ Россіи не наказываютъ смертью. Первымъ распоряженіемъ фонъ-Плеве было отдать убійцу Сипягина въ руки военнаго суда съ примѣненіемъ къ обвиняемому законовъ военнаго времени. Мы не вѣримъ въ правдоподобность этого уже потому, что подобное распоряженіе должно исходить отъ министра юстиціи. Но если это даже и такъ, мы не сомнѣваемся, что смертный приговоръ, вынесенный военнымъ судомъ, будетъ отмѣненъ и замѣненъ пожизненной каторгой, — ибо натянуть лукъ настолько — теперь въ Россіи не рѣшатся. Уже и теперь всѣ высшіе представители оффиціальной Россіи дрожатъ и пугаются собственной тѣни. Смертная казнь надъ убійцей Сипягина не только устрашитъ фанатиковъ изъ

числа русской молодежи, но вызоветъ новое небывалое ожесточеніе и поведетъ къ дальнѣйшимъ кровавымъ жертвамъ. Это знаютъ тѣ, кто рискуетъ въ данномъ случаѣ своей жизнью, и по ихъ настоянію судьба убійцы Сипягина будетъ одинакова съ судьбой всякаго обыденнаго убійцы, если только не предпочтутъ упрятать его, какъ это сдѣлали съ Карповичемъ, въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Между тѣмъ самый новѣйшій фактъ приноситъ новое доказательство, какъ дикъ и мраченъ будетъ наступающій періодъ реакціи въ Россіи, приноситъ новый рѣшительный ударъ той части русскаго общества, которая возлагала надежды на доброе сердце царя и возвѣщенное имъ сердечное попеченіе. Тотъ, кто призванъ былъ провести это сердечное попеченіе въ жизнь, кому поручено было свыше преобразовать русскія высшія учебныя заведенія и реформировать нашу среднюю школу, тотъ, кто, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ попытки полу-реформъ въ либеральномъ духѣ, — министръ народнаго просвѣщенія генералъ Ванновскій палъ и вышелъ въ отставку. Любопытна причина паденія его. Она кроется не въ томъ, что временныя правила о студенческихъ организаціяхъ отклонены единодушно всѣмъ русскимъ студенчествомъ, и не въ томъ, что ему, Ванновскому, не удалось умиротворить русскіе университеты и, наконецъ, не въ томъ, что студентъ былъ убійцей Сипягина. Нѣтъ, Ванновскій представилъ Государю для подписи выработанный имъ проэктъ реформы средне-учебныхъ заведеній, но тотъ отказался дать свою подпись, послѣ чего генералъ

Ванновскій немедленно подалъ въ отставку и получилъ ее. Она хотя уже и опубликована, но нѣтъ еще возможности судить о впечатлѣніи, произведенномъ ею на русское общество. А впрочемъ, можно легко предугадать, каково будетъ это впечатлѣніе. Досада будетъ очень велика, осадокъ горечи у тѣхъ, кто уже раньше махнулъ безнадежно рукой на полуреформы Ванновскаго, еще болѣе увеличится, Katzenjammer у русскихъ неисправимыхъ оптомистовъ - либераловъ, полагавшихъ, что въ самомъ дѣлѣ съ порученіемъ Ванновскому провести сердечное попеченіе, наступила для Россіи новая либеральная эпоха, будетъ чрезвычайно горекъ, негодованіе, конечно, втихомолку и про себя, достигнетъ колоссальныхъ размѣровъ, а въ общемъ, та неопредѣленная величина, которая именуется русскимъ обществомъ, покорится, какъ покорялась до сихъ поръ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.